

(№ 3 2023)

ноябрь 2023

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

читайте

В ЭТОМ НОМЕРЕ

**КАК СТАТЬ
УБЕЖДЕННЫМ
СТОРОННИКОМ «ПРОРЫВА»?**
В. Подгузов
СТР. 2 - 18

**ПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ
И ЕДИНСТВО ПАРТИИ**
А. Редин
СТР. 19 - 23

**О ЮРОДСТВУЮЩИХ
В КОММУНИЗМЕ**
А. Лбов
СТР. 24 - 27

**О ЛЮБВИ НА ФОНЕ
«ГРАНАТОВОГО БРАСЛЕТА»**
Е. Сафина
КУПРИНА
СТР. 28 - 37

**ЛЕНИНГРАД
ИЛИ ПЕТЕРБУРГ**
Бронислав
СТР. 38 - 42

**РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮНОШИ
ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ**
И. Шапов
СТР. 43 - 44

**ОТКРОВЕНИЯ
СТУДЕНТА-ИСТФАКОВЦА
О СВОЕМ ПУТИ**
А. Мальгунов
К «ПРОРЫВУ»
СТР. 45 - 51

НАМ ПИШУТ
Н. Свиридов
СТР. 52 - 53

КАК СТАТЬ УБЕЖДЕННЫМ СТОРОННИКОМ «ПРОРЫВА»?

Валерий ПОДГУЗОВ

«Читали книгу...»,
«Слышали звон...»

«Здравствуйте, Валерий Алексеевич. Вам пишет убеждённый сторонник прорыва. Однако, после прочтения вашей статьи «Личность и рынок»¹, а также после прочтения экономической рукописи Маркса 1861-1863 годов и критики вашей статьи одним из оппонентов прорыва, я пришел в некоторое замешательство».

Между тем, убежденностью можно назвать только то состояние ума, которое непоколебимо, если марксизм освоен не только текстуально в решающем объёме, но его понимание уже опробовано нашим сторонником на полях идейной борьбы и подтверждено победами. Как известно, в идеологии нет места компромиссам. Ещё меньше места для компромиссов в теоретической форме классовой борьбы.

«Оппонент, - продолжает наш «убеждённый читатель», - критиковал ваши слова насчёт того, что неэквивалентность обмена не является сущностью капитализма, что такой обмен не является содержанием понятия «эксплуатация».

Пока, оставим открытым вопрос о том, умеет ли оппонент понимать прочитанное, значение слов «критика» и «сущность». Но отметим, что «Прорыву» уже 20 лет не везет на добросовестных и вдумчивых оппонентов, ведь в упомяну-

той статье в «Прорыве» речь идет не о сущности капитализма, а о сущности РЫНКА вообще, в том числе, капиталистического, т.е. о сущности, исключительно, фазы обмена эпохи частной собственности, и не будет преувеличением, если сказать, фазы массового обмена и самообмана.

«Он [оппонент, - В.П.] утверждает, что содержанием эксплуатации и сущностью капитализма, является «отношения прибавочной стоимости», что прибыль берется не из неэквивалентного обмена, а именно из производства рабочим прибавочной стоимости. Не выходит ли из этого, что ваши слова из статьи о том, что неэквивалентность обмена является содержанием эксплуатации и сущностью капиталистического рынка, являются ревизионистскими? Не являются ли ваши слова в статье о том, что прибыль появляется в процессе неэквивалентного обмена, ненаучными?».

Независимо от исходного положительного отношения читателя к автору любой статьи, к позиции организации, наш читатель обязан не терять бдительность, ибо проникновение врагов в редакцию марксистского издания - естественно для политической борьбы. Значительная часть истории РСДРП и ВКП(б) есть история успеш-

1. Статья «Личность и рынок» вышла в «Прорыве» №3(5) в октябре 2003 года (http://proriv.ru/articles.shtml/podguzov?market_licnost3).

ной научно-теоретической борьбы Ленина и Сталина с троцкистами, среди которых были и Бухарин, и Твардовский, и Коротич..., проникавшими в редакции. Но, если «убеждённый сторонник» «Прорыва», впадает, «в замешательство», это означает только одно, что он ещё не вполне освоил содержание, как минимум, «Капитала» и книги Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», тем более, диаматики и пытается средствами начетничества бороться с «ревизионизмом» в «Прорыве».

Как свидетельствует история, «знакомство» классиков марксизма с трудами Прудона, Лас-салья, Дюринга, Каутского, Плеханова, Троцкого, Бухарина... порождало у них не замешательство, а разгромные статьи и книги. Оппортунисты терпели поражения от классиков марксизма и в полемике, и в политической практике, поскольку не владели диаматикой.

В научно-теоретической форме классовой борьбы ценны те читатели, которые при столкновении с противоречием в их сознании, напряженно и добросовестно уточняют свои познания в области методологии и берутся за устранение противоречия, за установление истины. Но, на практике, пока, преобладает тот тип читателя, который считает, что он делает редакцию счастливой, если задаёт вопросы, а затем капризно требует от нас таких ответов, которые он сам считает верными. Мы же считаем убежденными сторонниками «Прорыва» тех, кто сначала тщательно изучает проблему, находит верное решение и сам громит оппонентов «Прорыва». Ежели наш читатель пожелал сверить своё готовое решение с мнением редколлегии, это отлично. Но, когда «убеждённый сторонник» занимает иждивенческую позицию, отделяется лишь вопросами и поддакивает оценкам со стороны, то трудно считать такого читателя нашим **убежденным** сторонником. Ревизионизм ему будет чудиться на каждом этапе **развития** теории.

Как показала практика, чтобы потрясти воображение начинающих левых, антикоммунисту достаточно подsunуть ему, не изучившему главный труд Маркса, цитату и готовое «разъяснение», которое, якобы, «доказывает» наличие ревизионизма в «Прорыве».

Однако, если читатель заподозрил автора в ревизионизме, то, мягко говоря, наивно обращаться к самому ревизионисту за разъяснением. Вряд ли найдётся настоящий ревизионист, кото-

рый признается и сразу повесится от стыда. Так что, без привычки самостоятельно разбираться в научно-теоретических проблемах можно попеременно становится убежденным сторонником то «Прорыва», то Балаева, то Семина, то Рудого...

«Свои слова, - пишет читатель, - данный «товарищ» обосновал выдержкой из БСЭ с определением прибавочной стоимости». Хорошо ещё, что не из википедии.

Оппортунисты и рассчитывают на тех, кто за знаниями обращается к БСЭ «времён Очакова или покоренья Крыма», тем более, к википедии. «Убеждённый сторонник» должен знать, что актив «Прорыва» давно пришел к выводу, что БСЭ писана теми докторами и академиками, членами КПСС, которые, в большинстве своём даже при Сталине не понимали марксизм вполне, ничего не привнесли в него глубокого, а после Сталина такие доктора наук как Канторович, Либерман, Абалкин, Яковлев, Арбатов... сознательно вели партию к поражению. Возможно, БСЭ не содержит грубых ошибок в некоторых вопросах школьных курсов алгебры, механики, химии, биологии, но только не в вопросах марксизма.

«Я решил, - продолжает наш читатель, - посмотреть материалы, где Маркс пишет о процессе производства капитала. И в итоге наткнулся на такие слова Маркса...».

«...Решил посмотреть»... «наткнулся»... А Маркс требовал изучать «Капитал» в полном объеме. В противном случае, на выходе, мы всегда будем иметь в рядах партии хрущевых, горбачевых, ельциных... Наш оппонент, сознательно подsunул нашему читателю «посмотреть» не «Капитал», а отрывок из ранних экономических рукописей, которые сам Маркс не собирался публиковать и в которых он ещё не критикует ошибочные положения А.Смита и Д.Рикардо о том, что пролетарии продают на рынке... труд.

Что же в рукописи Маркса, нашел наш читатель?

«Маркс пишет: «... если мы возьмем всех капиталистов какой-либо одной страны и общую сумму покупок и продаж, совершаемых ими, скажем, в течение одного года, то хотя кто-то из них может кого-то другого обмануть и в результате извлечь из обращения больше стоимости, чем он сам туда

бросил, однако общая сумма обращающейся стоимости капитала путем такой операции не увеличилась бы ни на йоту».

Наш сторонник не заметил, хотя в этом абзаце, Маркс пишет черным по белому, что один капиталист **может** надуть другого и извлечь прибыль. Правда, Маркс в этом абзаце не разжевывает то объективное обстоятельство, что количество металлических и бумажных денег, пущенных в оборот банками в течение года, меняется очень незначительно относительно той массы денежных знаков, которые уже находятся в обороте, поэтому, образно говоря, сколько денег один спекулянт себе прибавит, столько же денег второй капиталист потеряет. Но это обстоятельство только удваивает радость первого спекулянта. Печатание фальшивых долларов ФРС США, часто, равно темпам инфляции, что считается в концепциях Кейнса, Фридмана и Набуллиной вполне здоровой практикой. В рамках этой величины капиталисты могут спокойно повышать цену своих товаров, чтобы пропустить всю новую наличку через свои счета. Просто одни возьмут, а другие не успеют.

«Весь класс капиталистов, - продолжает Маркс, - не может обогатиться как класс, не может увеличить свой совокупный капитал или произвести прибавочную стоимость тем путем, что один выигрывает то, что теряет другой. Класс в целом не может обманывать самого себя».

Т.е., даже в черновиках Маркс утверждает, что капиталисты на рынке **будут обманывать друг друга**, но это не приведёт ни к РОСТУ богатства вообще, ни к росту богатства в руках **ВСЕГО КЛАССА КАПИТАЛИСТОВ**, хотя, некоторые капиталисты себя обогатят. А поскольку в реальной действительности совокупная прибыль класса капиталистов растёт, постольку, Маркс продолжил поиск источника РОСТА богатства всего буржуазного класса.

Таким образом, по Марксу, неэквивалентный обмен - закон любого **РЫНКА**, норма капиталистического **обращения**, но он не может привести к увеличению богатства всего класса капиталистов в денежной форме. Насколько обогатятся наиболее нахальные капиталисты, настолько же обеднеют их конкуренты внутри одной страны. Но, если обман капиталистами друг

друга не делает страну богатеющей, а в богатеющей стране жить всегда приятнее, чем в нищающей, то ясно, что капиталисты будут искать более продуктивные, чем простая спекуляция, источники РОСТА производства и продажи прибавочной стоимости и в этом поиске капиталисты одной нации проявят солидарность... в беспардонном грабеже капиталистов других наций, ещё до того момента, когда на историческую арену выйдет классический пролетариат.

Когда-то финикийские купцы, являясь первыми торговыми посредниками между многими народами и богатели за счёт принципа: **купить дешевле, продать дороже** и, тем самым, монополизировали процесс получения прибыли, ничего не производя из того, чем торговали по формуле: $D - T \dots T - D^*$. Ещё хитрее поступали флорентийские ростовщики, закабалив даже Англию на многие десятилетия тем, что давали золотые флорины в долг, а в счёт погашения долга требовали значительно большее количество золотых монет по формуле: $D - D^*$. Этой формулой до сих пор пользуются банкиры всего мира. Современные экономисты процесс нарастающей борьбы за прибыль без производства, предсказанный Марксом, называют финансиализацией, а другие экономисты - финансированием, кому как нравится.

Если бы наш сторонник изучил в необходимом объёме ленинское наследие, то он задумался бы над ленинским выводом о ЗАГНИВАНИИ капитализма именно за счёт того, что не производство, а именно банковские гиганты, сражаясь с чиновничеством и военщиной, начинают играть ведущую роль в однобоком развитии мировой экономики. Не дочитав до третьего тома «Капитала», наш сторонник не может быть убеждённым в том, что земельная рента есть деньги, получаемые земельным собственником с функционирующих капиталистов без какого-либо эквивалента, что возмущало банкира Давида Рикардо, который считал себя менее паразитичным, чем владельцы земли.

Наличие в мире стран богатеющих и стран веками только нищающих, доказывает, что неэквивалентный обмен - норма мирового **рынка**, в том числе, капиталистического, особенно если вспомнить Бреттон-Вудскую финансовую «систему» и её кредитную практику, сделавшую должниками почти все страны «свободного мира». Жаль, что Маркс не успел написать обещанный том о ми-

ровой торговле, в котором была бы раскрыта тайна не только обогащения капиталистов одной из стран за счёт эксплуатации своего пролетариата, что грозит им потерями прибыли из-за забастовок, но и «тайна» обнищания и деградации целых стран, объектов дележа между монополистами метрополий, т.е. рабовладельцами.

«Сумма обращающегося капитала, - продолжает Маркс, - не может возрасти в результате того, что отдельные его составные части по-разному распределены между его владельцами. Следовательно, в результате подобного рода операций, как бы ни было велико их предполагаемое число, не получилось бы никакого увеличения общей суммы стоимостей, никакой новой, или прибавочной стоимости, т.е. никакой прибыли на находящийся в обращении совокупный капитал» [Экономическая рукопись 1861-1863 годов. Процесс производства капитала. Глава 1. b].

Наш читатель, видимо, пока ещё, не понял, а его доброхот умышленно сделал вид, что забыл, что в данной рукописи Маркс пишет не о реальном мировом рынке, не о его колониальной системе и не о ВСЕХ классах страны, а только об обмене внутри класса капиталистов одной условной страны.

Абстрагирование от обманывающих друг друга капиталистов, было необходимо Марксу лишь на время ТЕОРЕТИЧЕСКОГО поиска действительного источника ВСЕЙ прибыли для ВСЕГО класса капиталистов данной страны. Маркса на этом этапе исследования интересовал вопрос не о том, как получает прибыль один купец или один ростовщик, а как **растёт** богатство ВСЕГО КЛАССА капиталистов одной страны в условиях промышленного производства. Марксу требовалось найти тот класс людей, из которых **весь** класс капиталистов этой страны, т.е. земельные собственники, банкиры, торговцы и промышленники **безо всякого эквивалента**, нахально высасывает растущую прибыль.

Капиталист ничего не производит. Он лишь владеет средствами производства, оценивает работу наёмного персонала и подсчитывает прибыль от его эксплуатации. На защите такого права стоят все силовые, правовые и пенитенциарные институты демократического рынка. Если бы, прежде чем присылать вопросы, наш сто-

ронник старательно изучил ВЕСЬ «Капитал», то он знал бы, что НЕТ такого преступления, на которое капиталист не пойдёт ради прибыли, а спекуляция является первым и самым невинным преступлением, на которое идёт КАЖДЫЙ капиталист ради получения прибыли. Если бы наш сторонник читал бы много, то он знал бы, что, по мнению Сороса, если капиталиста беспокоит вопрос о последствиях его спекуляций, если он переживает по поводу разорённых им банков, пенсионных фондов и целых стран, то это означает, что он профессионально непригоден на роль бизнесмена. Ему вторит и вполне успешный биржевой спекулянт, Фрэнк Партной.

Со времен А.Смита, существует понимание, что богатство класса капиталистов растёт пропорционально массе **ПРОДАННЫХ** ими товаров, содержащих в себе общественно признанную массу стоимости независимо от их полезности. Поэтому рынок алкоголя, наркотиков и оружия остаются неизменной прибыльными. Если есть прирост объема производства продуктов, то, даже чуждому капиталисту, обмен возросшей массы товаров на деньги принесёт прибыль в виде новых порций «звонких монет», если они отчеканены. Но капиталисты жадничают и, часто, объявленная ими сумма цен товаров превышает количество денег в обращении, а потому часть товаров не будет продана, и хозяин окажется банкротом при магазинах, переполненных товарами, как это систематически и происходит, особенно, с мелким и средним бизнесом.

Т.е. для простоты исследования Маркс прибегает к научным абстракциям: во-первых, считает капиталиста честным, чего в природе не бывает, а во-вторых, что денег у покупателей достаточно для покупки всех произведенных продуктов по ценам, соответствующим стоимости, чего, тоже, в действительности не наблюдается, поскольку в реальной РЫНОЧНОЙ действительности цена определяется спросом, а не стоимостью. Закон стоимости, как и юридический закон, проявляет себя только после его нарушения и то, не мгновенно.

Однако оппонент «Прорыва» пытается представить дело так: капиталисты, на самом деле, фанаты эквивалентного обмена независимо от того, кто с кем обменивается (олигарх, средний, мелкий предприниматель, ремесленник, фермер или пролетарий, тем более, в шкуре гастарбайтера) и, якобы, в теории Маркса приба-

вочная стоимость возникает только в результате эквивалентного обмена. Если брать оторвано от остальных глав раздел о производстве прибавочной стоимости, то обязательно возникнет иллюзия, как это и произошло с нашим сторонником. Он и трактует Маркса так:

«Маркс пишет о том, что в процессе неэквивалентного обмена, прибавочная стоимость, а прибыль, как я понял, является формой прибавочной стоимости, не появляется».

«Убежденный сторонник» настолько ослеплен заклинаниями нашего оппонента, что не помнит, что несколькими строками раньше он цитировал Маркса:

«...кто-то из них [капиталистов, - В.П.] может кого-то другого обмануть и в результате извлечь из обращения больше стоимости, чем он сам туда бросил»,

т.е. получить вождеденную прибыль именно из **неэквивалентного** обмена.

Как ни странно, но продолжая цитировать Маркса, наш сторонник, не замечает того, чего не хочет замечать:

«Далее Маркс пишет: «Прибавочная стоимость или самовозрастание стоимости не может возникнуть из обмена, из обращения. С другой стороны, стоимость, которая как таковая производит стоимость, может быть ТОЛЬКО продуктом обмена, обращения, ибо ТОЛЬКО в обмене она может функционировать как меновая стоимость» [Экономическая рукопись 1861-1863 годов. Процесс производства капитала. Глава 1. b].

Многие начинающие левые, не вполне отдают себе отчет в том, что они изучают труд гения диаматики. А чтобы понять гения нужно или самому быть просто гением с пелёнок, или длительное время трудолюбиво изучать методологию гения. Не изучив «Капитал» в полном объеме, трудно понять диаматику известного противоречия: прибавочная стоимость не может возникнуть из обмена и, в то же время, прибавочная стоимость, как всякая стоимость, может появиться **ТОЛЬКО в результате ОБМЕНА**.

Т.е., сколько бы продукции вы не произвели, вы не получите никакой выручки, пока **не продадите** товар. Например, сегодня в Бургундии

вырубаются знаменитые виноградники, поскольку французы перешли на пиво, а нарастающая мусульманская диаспора днём вино не пьёт. Теперь, сколько бы литров вина не произвели владельцы виноградников, они не получают ни копейки прибыли. Произведённый продукт, перестал содержать в себе всякую стоимость вообще, поскольку его игнорирует сфера ОБМЕНА.

Наш сторонник не понимает, что, прежде чем делать выводы по поводу **прибавочной** стоимости, необходимо понять, что такое сама стоимость. А вот с этим большая «напряженка», практически, у всех современных левых.

Маркс предупреждал, что стоимость не так проста для понимания, как томные взгляды «вдовицы Квикли», истосковавшейся по мужику. 2000 лет до Маркса люди пытались понять сущность стоимости, денег так, чтобы она текла в руки только тому, кто эту тайну понял. Строго говоря, именно этой «алхимией» занимались и первый, и последний из классиков буржуазной, почти научной, политической экономии, Петти и Рикардо. Но тайны этой они не раскрыли, хотя, как раз, больше всего занимались обращением денег без производства, и сами стали, едва ли, не самыми богатыми людьми Англии своих эпох. Как практикам, им было безразлично, богатеет ли весь класс капиталистов. Их интересовала, прежде всего, теория личного обогащения. А в этом случае наука замолкает.

Поэтому Маркс и признавался читателям, что самым сложным для него при изложении, и самым ТРУДНЫМ для понимания читателями, была и будет очень «ПРОСТАЯ» и очень СЛУЧАЙНАЯ ФОРМА СТОИМОСТИ, которая в ходе развития породила ДЕНЕЖНУЮ форму стоимости, а та - ЦЕНУ, и только тогда появилась прибыль, причём, сначала, только для менял, ростовщиков и купцов. В те времена существовали цеха и мануфактуры, которые десятилетиями, фактически работали без прибыли, в рамках того, что Маркс позже назвал простым воспроизводством капитала. Поэтому и цеха, и мануфактуры приказали долго жить в пору появления машинного капиталистического **прибыльного** производства и самого разнузданного неэквивалентного обмена и обмана на рынке, особенно на международном.

Подобно тому, как потребовались тысячелетия, пока золото и серебро превратились в товар под названием деньги, подобно этому, тысячеле-

тиями неэквивалентность, дремавшая в каждой обменной операции, через сотни лет превратилась в одностороннюю прибыль класс капиталистов.

Наши абсолютно безграмотные предки, ничего ещё не понимавшие в политической экономии, раз в год, на «Сорочинской ярмарке» меняли 2 овцы на 5 топоров, 3 глиняных кувшина - на 50 фунтов зерна, 10 свиней за 1 фунт золота и т.д. В каждом таком обмене были объективно выигравшие и проигравшие. Но в те времена, при натуральном обмене, эти погрешности не имели ни малейшего значения для наших предков, поскольку те шли на рынок не за прибылью, а затем, чтобы за бесполезные для себя вещи выменять полезные. И Аристотель признавался, что не понимает, как безграмотные люди определяют пропорции обмена несоизмеримыми потребительными стоимостями. Как сегодня шутят в рекламе: «...а могла бы продать за десять с половиной». Но когда появился посредник между продавцами, т.е. ДЕНЬГИ, тогда погрешность в обмене стала выливаться в одностороннюю денежную прибыль одного из участника обмена. Вот тогда на рынках мира и началась охота на лохов. Уже несколько столетий профессиональными лохами на мировом рынке являются НАЁМНЫЕ работники умственного и физического труда, продающие свои мозги и мышцы за минимальную «потребительскую корзину».

В современной мировой практике, поскольку солнце никогда не заходит над биржами, нет секунды, когда бы предприниматели не надували друг друга на миллиарды долларов и евро поскольку их никогда не заботит прибыль всего класса.

Если же мы догматизируем абстракцию Маркса и скажем, что все капиталисты честные ребята, и нет никакой разницы, между частным ремесленником, промышленным капиталистом и финансовым олигархом, что все они честно торгуют друг с другом, получают прибыль, то нужно будет объяснить, почему ежегодно, в самых развитых странах, банкротятся сотни тысяч мелких и средних предприятий, а список миллиардеров в журнале Форбс практически, «топчется на месте»? Почему, при честных капиталистах, время от времени, банкротятся крупнейшие банки, пенсионные фонды, происходят биржевые крахи и экономические кризисы? Если бы наш читатель изучил «Капитал» в полном объёме, то им, скорее всего, была бы усвоена диаматическая логика Маркса о **неразрывности** производ-

ства и обмена в бытии капитала, и не пришлось бы задавать провокаторский вопрос:

«Не выходит ли из этого, что ваши слова из статьи о том, что неэквивалентность обмена является содержанием эксплуатации и сущностью капиталистического рынка, являются ревизионистскими? Не являются ли ваши слова в статье о том, что прибыль появляется в процессе неэквивалентного обмена, ненаучными?».

Как видно, наш «убеждённый сторонник» не просто в замешательстве. Он полон подозрений, что один из авторов «Прорыва» встал на антинаучную ревизионистскую позицию, а вся редакция ему потворствует.

НАЧНЁМ С МЕТОДОЛОГИИ

Абсурдная логика всегда ведёт к абсурдным выводам. Одной из разновидностей абсурдной логики в научно-теоретической форме классовой борьбы являются формулировка выводов на основе сравнения цитат, базовых и текущих, тем более, вырванных из контекста, обрезанных в интересах «доказательства».

Слово «ревизионист» в лексиконе современных политиков, в том числе и левых, применяется для обозначения лица, чья теоретическая позиция чем-то отличается от проголосованной ранее. Хорошо, когда Маркс, или Ленин сами разъясняли своим современникам то, что не поняли оппоненты в их прорывных новациях. Но сегодня сравнением цитат Маркса и Ленина, Ленина и Сталина, классиков и прорывистов, не занимаются только самые ленивые троцкисты. Ревизионистом объявляется каждый, чьи фразы при наложении на цитаты классиков отличаются, хотя бы количеством букв.

Как показала история, научная теория, тем более, в обществоведении, созданная на базе реляций прошлого периода, по прошествию определенного времени, в обществе иного качества, перестает приносить успех. Каждое новое поколение ученых обязано приносить в теорию свои уточнения, отражающие качественные и количественные изменения, произошедшие в мировой практике и в сознании людей. В одном случае, этим уточнениям присваивается имя марксизм, ленинизм, сталинизм, маоизм, чучхе, в других

случаях, экономизм, меньшевизм, троцкизм... В строгом соответствии с диаматикой, догматизм должен оцениваться как ревизионизм законов диаматики. Догматизм отказывается от **новых** формулировок, требующих устранения новых факторов, не способствующих, тем более, замедляющих движение к коммунизму.

За период с 1903 по 1953 годы в РСДРП-ВКП(б) произошло немало теоретических «сражений» в прессе и на съездах между политиками, все из которых заявляли о себе как о сторонниках марксизма, диалектики. Стенографические отчёты сохранили беспримерную как по компетентности, глубине логики, так и по подлости, идейную борьбу в партии. После 1953 года ничего глубоко, научного на съездах КПСС не наблюдалось в связи с теоретической деградацией членов КПСС. Полувековая практика показала: победы всемирно-исторического значения партия имела там и тогда, где и когда ленинская и сталинская стратегия принималась партийными массами к исполнению, несмотря на то, что у Маркса «трудно» найти цитаты о большевизме, меньшевизме, экономизме, троцкизме, о «красногвардейской атаке на капитал», о переходе от продрозвёрстки к продналогу, о субботниках, о НЭПе, ГОЭЛРО, пятилетках индустриализации, коллективизации и культурной революции...

Поэтому, есть все основания утверждать, что тот «ревизионизм», в котором троцкисты обвиняли и обвиняют Ленина и Сталина, был, на самом деле, РАЗВИТИЕМ марксизма, приведением положений марксизма в соответствие реальным объективным предпосылкам, с решительным отсечением всякого «хвостизма» и догматизма. Практика неизменно подтверждала высочайший уровень прогностического потенциала ленинской и сталинской методологии. Современные антикоммунисты-талмудисты, возмущаются стремительной разворотливостью победоносного мышления Ленина и Сталина, обвиняют их, якобы, в отступлениях от учения Маркса и стараются убедить современных носителей коммунистического звания вернуться к исполнению требований тех цитат из Маркса, которые им диктуют современные троцкисты.

Разумеется, могут сказать: что Ленину можно, то другим нельзя. Но отсутствие живого Ленина не освобождает людей, претендующих на звание коммунистов, от обязанности сделать всё возможное для того, чтобы массы пролетариев

умственного и физического труда вновь приобрели **компетентный и преданный** авангард, в том числе и вождей способных не только зубривать марксизм, но и развивать его.

Классики марксизма, называли ревизионизмом не те случаи, когда обнаруживалось расхождение в употребляемых синонимах, а тогда, когда **практика** данного лица принимала вредительский характер на базе умышленных, по предварительному сговору, попыток внедрить в партийную политику меньшевистские, ликвидаторские, отзовистские, пораженческие, левые и правые искажения марксизма. Современные ревизионисты, своими теоретическими извращениями, пытаются, задним числом, оправдать свою реальную оппортунистическую практику.

Естественно, не всякая новизна в теоретических формулировках есть развитие науки (вся мелкотравчатая диссертационная практика в КПСС доказала это). Но всякое изменение в теории, подтвержденное общественной практикой **движения к коммунизму** - НАУЧНО. Не всякое изменение в теории - есть ревизия в отрицательном смысле слова. Но помимо научной ревизии существует и сознательное искажение и добросовестное заблуждение. Отличить научную ревизию, т.е. развитие от искажения, может только конкретное исследование выдвинутых положений и их отражения в практике борьбы против всего буржуазного за коммунизм.

Развитие теории, к чему всегда призывал Маркс, есть не пересмотр стилистики программных документов по поводу перехода от развитого к зрелому социализму. Научная ревизия означает, прежде всего, **проверку точности СВОЕГО СОБСТВЕННОГО понимания положений марксизма**. И если под ударами практики вы установили, что до сих пор и вы, и БСЭ примитивно, плоско, статично трактовали положения марксизма, то «не нужно на зеркало пенять», а нужно срочно заняться **ОТРИЦАНИЕМ СВОИХ** прежних, представлений о марксизме. На этом пути марксист не может отделаться лишь констатацией отличий в словах и оборотах двух разных текстов. Необходимо абсолютно **конкретное** отрицание прежнего содержания вашего собственного сознания более глубоким пониманием самого марксизма и пересмотр своих знаний относительно реальных перемен в стихийном общественном бытии.

Одно дело, когда нарождающийся капитали-

стический рынок и класс купцов показывает теоретику, что грядёт революционный слом феодализма и установление рынка доминирующего капитализма, а другое дело, когда анализ показывает воцарение военно-государственно-монополистического капитализма, т.е. превращение капитализма в свою противоположность, в полную **материальную** предпосылку социализма. Одно дело отмечать с удовлетворением, что в обществе уже нет откровенных Путиловых, Морозовых, Рябушинских, а другое дело видеть, как ещё мало в обществе черт, которые могут быть отнесены к числу коммунистических, как много ещё комсомольцев, которые не против того, чтобы стать путиловыми, морозовыми и рябушинскими. Уже полвека, как интеллигенция не может предложить миллиардам наёмных рабов ничего адекватного, относительно современных объективных предпосылок движения к коммунизму. Боятся показаться ревизионистами. А если массы сами начинают бунтовать, то получается или как в 1993 году в Москве, или «цветные революции», как в Грузии, Армении, Молдове, Ливии, Ираке, на Украине...

Одна из причин энергичного топтания современного коммунистического движения на задворках политики в РФ, в том и состоит, что нынешние теоретики «думают» теми категориями хрущёвины, потребительства, которые им заложили в сознание догматики в советских ВУЗах. Несмотря на понесённые поражения, те, кто сегодня называют себя коммунистами, никак не хотят подвергнуть ревизии СВОИ познания в марксизме и не понимают, что теоретическая работа в КПСС, даже в брежневский период, есть худшая форма ревизии марксизма, в смысле умерщвления в нём всего диалектического, динамического, превращение в набор диссертательных догм.

Панических страх перед обвинением в ревизионизме, приводит к догматизму. Догматизация есть одна из наиболее продуктивных форм ревизионизма, поскольку именно теоретики превращают диалектически целостное динамичное учение Маркса в несвязанные фрагменты. Подобно тому, как отзовизм является лишь иной редакцией ликвидаторства, догматизм есть малозаметная, на первый взгляд, редакция оппортунистического ревизионизма. Ревизионизмом в отрицательной коннотации можно считать только такое изменение в теории, когда её покидают

темы непосредственного строительства коммунизма и начинает господствовать тема «совершенствования» социализма, внедрением в его «тело» рыночных отношений. Одно дело предлагать допустить рыночные отношения, когда установлен факт массовой экономической безграмотности большевиков в 1921-м году, а другое дело внедрять рыночные отношения в 1983 году, когда полно членов КПСС с дипломами докторов экономических наук и академиков.

Убежденными прорывистами могут быть лишь те, кто вопреки БСЭ, творчески подходят к учению Маркса, Ленина, Сталина и практике совершенствования научного централизма, не обращая внимания на стоны по внутрипартийной демократии и рыночной благодати. Объявляя себя убежденным сторонником «Прорыва», наш читатель знал о нашем отрицательном отношении, например, к демократическому централизму, но не объявил нас ревизионистами. В словарях КПСС нет слова «диаматика», которое использует большинство прорывцев, и которое подчеркивает, что мышление есть продукт развивающейся материи, и что диалектики, самой по себе, как и энергии, оторванной от движущейся материи, не существует. В КПСС термины «пролетариат» и «рабочий класс» использовались как синонимы. Прорывисты строго разводят эти категории и т.д. Хорошо, что наш сторонник и оппонент уже не относят эти расхождения к ревизионизму, но плохо, что они ищут новые поводы для обвинения «Прорыва» в ревизионизме.

То, что простительно ЭВМ, которая сверяет тексты побуквенно, непростительно «убеждённому стороннику прорыва». [Нужно отметить, что своевременные компьютерные системы «борьбы с плагиатом» уже продвинулись несколько дальше таких читателей]. Он ОБЯЗАН сравнивать сущности в условиях их исторического развития, а не буквы, тем более, после таких грандиозных поражений, которые потерпела КПСС именно в силу **массового ошибочного понимания** краеугольных теоретических положений марксизма-ленинизма.

Слово «научные» в марксизме принято для обозначения теоретических знаний абсолютно адекватных объективной действительности в её развитии. Синонимом слову «научный» является слово «истинный» т.е. подтвержденный ВСЕЙ исторической общественной практикой. А поскольку объективная история есть история

движения общества по ступеням прогресса, постольку истины бывают низшего и высшего порядка, относительные и абсолютные. Истины в науке не опровергаются, а отрицаются, более высокой истиной в актуальной формулировке, выведенной из новых фактов бытия, берутся на вооружение практиками, а прежние истины переводятся в разряд истории науки, что позволяет очередному поколению ученых понять объективные законы развития познания. Одна из причин сближения современных физиков с мистикой и состоит в закреплении их сознания застывшими формулами и преклонениями перед авторитетами.

Именно стремление представителя узкого направления науки быть как можно более точным в восприятии отдельного факта объективной действительности, приводит многих из них к профессиональному кретинизму. Диаматика же предполагает постоянную ревизию качества своего восприятия во имя приближения знаний к объективному содержанию объекта исследования, порожденного системой явлений, лежащих далеко за его пределами. Истинным или ложным, т.е. научным или антинаучным, может быть только знание. Истина диаматически противоположна факту. Факт является фрагментом объективной действительности как, например, метеорит, землетрясение, цунами, молния, не содержащая в себе ни крупинки сознания. Фактом является и наскальный рисунок, отражающий объект в том виде, в котором его воспринимает мозг конкретной эпохи развития человеческой культуры. Возрастающее качество наскальной живописи, эволюция качества рисунков, есть факт, доказывающий развитие сознания, ревизию качества восприятия каждым последующим поколением людей. Фактом является собрание сочинений Маркса и не только потому, что эти тома можно потрогать. Из истинной фиксации, оценки и изучения содержания факта рождается верный прогноз, безошибочная практика, а из ошибочного понимания сущности факта проистекают катастрофы. Только у добросовестного исследователя содержание знания приближается к содержанию факта, т.е. меняется в сторону всё большей научности. Будучи исследователем редчайшей добросовестности, Маркс создал четыре варианта своей основной книги, «Капитал», и, только изучив русский язык, назвал наиболее удачным рус-

ский перевод второго издания первого тома «Капитала». Возможно, именно поэтому, марксисты России сыграли наиболее заметную роль в мировой истории XX века.

В современной рыночной экономике приближение или удаление знаний по отношению к факту в подавляющем большинстве случаев предопределено размером гранта. В результате, субъективное отражение факта в сознании индивида становится управляемым извне, ангажированным. Что лучше оплачивается, над тем и работает большинство из тех, кто сегодня претендует на звание носителя научных знаний, тем более в обществоведении.

Из коротенького письма в редакцию, тем не менее, явно следует, что «убежденный сторонник», ещё не владеет научным методом, имеет очень туманное представление о соотношении теории и практики, о соотношении научной абстракции и реальности, и потому скор на «растрельные» выводы. Возможно, что данный конкретный читатель является эмоциональным сторонником «Прорыва», но никак не убеждённым, поскольку убеждение есть система знаний, подтвержденная результативной практикой побед на ниве пропагандистской и агитационной работы.

О ЧЁМ ЖЕ ШЛА РЕЧЬ В СТАТЬЕ «ЛИЧНОСТЬ И РЫНОК»

Долгое время многим верхоглядам казалось, что, усилиями Ленина экономизм в России был разгромлен уже до революции и, вместе с упразднением частной собственности на основные средства производства, т.е. с формальным запрещением буржуазии как класса в СССР, исчезнет забастовочная «борьба» пролетариата, как и сам вопрос о целесообразности этой формы «борьбы», основы дореволюционного экономизма.

Экономизм, одна из разновидностей оппортунизма, причиной существования которого в некоторых личностях является врожденная паразитарность их характеров и безграмотность в вопросах марксизма. Причем, если дореволюционный экономизм, объективно, служил делу торможения свержения буржуазного строя, то после революции, экономизм превратился в средство реанимацию капитализма «тихой сапой» под ви-

дом «социалистического» хозрасчёта. Особенно в этом усердствовал «правый уклон» троцкистов, ведших борьбу за продление НЭП, сохранение кулачества и (на неопределенный срок) товарно-денежных, рыночных отношений.

ГОЭЛРО, Сталинские пятилетние планы, победа СССР над мировым империализмом в Великой Отечественной войне на время заставили экономистов притихнуть. Но после 1953 года все оппортунистические силы, пользуясь невежеством Хрущева, Косыгина, Шверника, а позднее Сулова, Андропова, Яковлева, Горбачева, Ельцина, Гайдара в марксизме, как и всей когорты кандидатов и докторов всяческих наук, экономисты, придумав себе новое название, товарники, рыночники, начали поход за внедрение в централизованную плановую экономику СССР принципов хозрасчёта.

Сотням министров всех уровней, практически всем директорам заводов и совхозов в те годы, были абсолютно непонятны законы строительства коммунизма, зато были понятны принципы хозрасчёта и перетягивания «финансового одеяла» на себя, любимого. Одну попытку Либермана и Косыгина перевести на хозрасчёт министерства и предприятия СССР в 1965 году, интуитивно отбил Брежнев, не понимавший, как на хозрасчете можно построить коммунизм. Отказ от хозрасчёта в СССР позволил Брежневу нанести поражение и чехословацким оппортунистам, начавшим проводить горбачевскую реформу в ЧССР в 1968 году. Брежнев продлил историю ЧССР на целых 20 лет. Затем плановый централизованный СССР одержал победу в войне против НАТО, Австралии и Японии во Вьетнаме в 1975 году. Но в 1979

году, оппортунисты КПСС, пользуясь возрастом Брежнева, затеяли новую попытку внедрения хозрасчёта в экономику, иезуитски сформулировав название реформы: «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и

качества работы». Естественно, Брежнев был всецело за улучшение планирования в СССР, но не рассмотрел ложку «азотной кислоты» «хозяйственного механизма», т.е. решения разбавить систему централизованного планирования хозрасчётом министров и директоров. А поскольку Брежнева ещё три года интересовало, прежде всего, выполнение планов, постольку министрам и директорам, держащимся за кресла, было трудновато разваливать централизованную плановую систему.

Однако в 1982 году к рулю партии встал Андропов. Весь 1983 год в ЦК КПСС, в Институте экономики АН СССР велась разработка плана уничтожения плановой экономики в СССР. В январе 1984 года был начат широкомасштабный эксперимент по переводу министерств и предприятий СССР на полный хозрасчёт, самофинансирование и договорные отношения. За этот год удалось перевести на самофинансирование более 25% министерств и, практически, все крупные предприятия страны. Строго говоря, СССР престал существовать уже к концу 1984 года, а уже в 1985 году рухнула дружба народов, началась азербайджано-армянская резня, затем осетинско-ингушский конфликт, а потом полыхнуло в Таджикистане, Прибалтике, Молдове...

В период с 1985 по 1990 год страна погрузилась, с одной стороны, в кашпировщину и чума-

ковщину, а с другой стороны, в прорыночное безумие. Всё научное сообщество СССР, не только экономисты, но и физики, и искусствоведы с упоением стали воспевать рыночные отношения, которые сами всё решат. Т.е. обучение и самообучение марксизму в СССР к тому времени настолько формализовалось, что знания отдельных обрезанных «цитат» приобрели характер пароля для признания соискателя своим в узком кругу. Министры, Госплан и Госснаб СССР, без научно-теоретической проработки вопроса, взяли под козырёк, загнипнотизированные холодным взглядом быв-

лизовалось, что знания отдельных обрезанных «цитат» приобрели характер пароля для признания соискателя своим в узком кругу. Министры, Госплан и Госснаб СССР, без научно-теоретической проработки вопроса, взяли под козырёк, загнипнотизированные холодным взглядом быв-

шего шефа КГБ, согласились на перевод всего и вся на полный хозрасчёт и самофинансирование.

Очень немногие теоретики, члены КПСС эпохи горбаёвины, пытались защитить централизованное научное планирование. Они, не веря глазам своим, с изумлением смотрели на то, как маститые советские философы, политэкономы, научные коммунисты, доктора и академики, совершенно не понимая смехотворности и цинизма своего положения, в своих публикациях и выступлениях объясняли существующие бытовые проблемы пороками своего централизованного планирования, а избавление от этих проблем находили в переводе страны на рыночные отношения. Дескать, посмотрите, как красиво «загнивает» капитализм, как там всё хорошо с колбасой и туалетной бумагой. Так будет и у нас, когда СССР откажется от услуг науки и доверится стихии и анархии рыночной экономики. Особенно в этом отношении усердствовали самоликвидаторы от науки Шмелёв, Абалкин, Арбатов, Пияшева, Черниченко, Заславская, Ципко...

Люди не сознавали комизма ситуации, когда дипломированные УЧЁНЫЕ, бысстыдно повествовало о том, что они не способные научно решить ни одной из существующих проблем, что народ должен перейти на рыночные рельсы и, тогда, они, без КПСС и марксизма, схватят бога за бороду и заживут богато, как герои Голливуда, и с песенкой, как в фильмах Боливуда. Миллионы поверили, что стихийные, анархические рыночные отношения решат все проблемы общества лучше, чем АН СССР, ЦК КПСС, Госплан и Госснаб. Отчасти, это было так, поскольку, к этому времени, ЦК КПСС, действительно, обезумел реально. Поэтому и в среде сотен тысяч будущих обманутых дольщиков, пайщиков, вкладчиков, жертв телефонных мошенников и черных риелторов, которые выходили на антисоветские митинги в республиках СССР, начиная с 1989 года, не было и десятка тех, кто ТОЧНО понимал, что такое рыночная экономика, куда она

ведёт, и как связана с генерированием, хотя бы, мировых войн.

Никогда слово «бог» не произносилось с таким востогом проповедниками в российских храмах, как слово «рынок» во всех СМИ СССР, на всех митингах конца 80-х годов, проводимых диссидентами и демократами. Как дети, истеричествующие, если у них отбирают игрушку, так обыватели СССР бросались на каждого, кто пытался им детально описать наиболее животные черты рыночной экономики. Не многим изменилось положение и сегодня. Оно только усугубилось гниением системы образования и художественной культуры, разгулом национализма, религиозного фундаментализма, нацизма, бандеровщины

и т.п. во всех республиках бывшего СССР.

В течение 90-х годов, выполняя все решения Съездов РКРП, терпеливо двигаясь в «кильватерной струе» акций, инициированных Виктором Анпиловым, работая в редакции теоретического журнала ЦК РКРП «Советский Союз» под руководством Виктора Тюлькина, в газете МК

РКРП «Рабочая правда», к 2000 году, группа товарищей, пришла к выводу о неэффективности тех форм партийной жизни, учебы, пропаганды, которые, фактически, были позаимствованы руководством РКРП у КПСС. Главная ошибка состояла в том, что в РКРП недооценивалась научно-теоретическая форма классовой борьбы и переоценивалось значение забастовочной, экономической «борьбы». Поэтому, актив редакции «Рабочая правда» и решил организовать редакцию научно-теоретического журнала и возродить большевистские традиции научно-теоретической формы классовой борьбы в коммунистическом движении, ни у кого не спрашивая разрешения.

Помятуя о массовом умопомешательстве конца 80-х годов, связаном с мифами о рыночной экономике, в течение 2002-03 годов мною и была написана серия статей, посвященных исследованию коренных свойств рынка, т.е. отношениям ОБМЕНА и ОБМАНА в условиях гос-

подства частной собственности. Исследование показало неразрывную связь между рыночными отношениями и возникновением фашизма; между рыночными отношениями и ростом макро и микро угроз для общества и каждой личности, ростом их незащищенности; между ростом монополизма в рыночных отношениях и массовой деградации личности граждан. В этих статьях были исследованы отношения обмена, все этапы развития рыночных отношений во всех общественно экономических формациях и сделаны выводы об исторической тенденции НАРАСТАНИЯ диспропорций, неэквивалентности рыночных отношений в мировой экономике.

Важнейший вывод из анализа рыночных отношений состоял в том, что в силу объективных свойств товарного обмена абсолютно исключена его эквивалентность. Иными словами, в рыночной экономике эквивалентность обмена невозможна ни при каких условиях развития счётно-вычислительных устройств и при любой постановке дела экономической статистики и контроля со стороны налоговой инспекции. Эквивалентность товарного обмена возможна, но только в качестве иллюзии, а потому любой акт товарного обмена, тем более, если обменивающиеся стороны прилагают максимальные усилия для определения стоимостных и ценовых пропорций, обречены на одностороннюю стоимостную и ценовую выгоду.

В частности, в этих статьях отмечалось, что неэквивалентность непосредственного продукто-обмена порождает эффект прибыли, получаемой случайно то одним, то другим продавцом-покупателем **в натуральной форме**. То есть из **каждого** акта **РЫНОЧНОГО** обмена его участники выходят: один с прибылью, другой с убылью (а завтра они могут поменяться местами). **ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ неравенство КАЖДОГО** обмена, т.е. получение прибыли лишь **одним из обменивающихся**, хотя **ОБА** они жаждут **ОДНОСТОРОННЕЙ выгоды**, является **абсолютным**, а потому **НЕУСТРАНИМЫМ законом РЫНОЧНОЙ** экономики. Завороженные житейскими наблюдениями за плутовством на базаре, буржуазные теоретики, противореча собственным утверждениям о диктате потребителя над производителем, вывели общий «закон», присвоив продавцу эксклюзивное право завышать продажную цену товара относительно действитель-

ных издержек и потому всегда получать прибыль, а покупателю отвели роль профессионального простака, поскольку покупатель всегда оплачивает ценовую похоть продавца.

В обществе, основанном на принципах частной собственности, личная выгода является абсолютным мотивом деятельности **каждого**. Слегка перефразируя Маркса, можно сказать: **гарантируйте** предпринимателю **БЕСПРИБЫЛЬНОЕ** производство, и он возьмется за дело... **только под страхом смертной казни**. Прибыль - наиболее последовательная форма удовлетворения потребности частника в личной выгоде, и так как **все** участники рыночного обмена **всегда** стремятся к личной выгоде, то ими будут целенаправленно изыскиваться и находиться формы, **гарантирующие УСТОЙЧИВОЕ** получение возрастающих масс и нормы прибыли. Но никто, из стремящихся к прибыли, находясь в здравом рассудке, не будет откровенно делиться секретами источников своих прибылей. Напротив, истинные охотники за прибылью сделают все, чтобы конкуренты шли «по ложному следу». Наиболее продуктивным «ложным следом» в охоте за прибылью является тезис о том, что прибыль любит трудолюбивых и плывет к ним в руки.

Именно трудолюбию туповатых производителей или, как их называют американские жены, неудачников, пришлось играть в истории роль «обманки», за которую веками прятались те, кто, на самом деле, всегда извлекал прибыль из обмена своего **менее** трудоемкого товара **на более** трудоемкий товар. У более ленивого, но сообразительного, извлекшего **ОДНОСТОРОННЮЮ** выгоду из обмена товарами, т.е. облапошившего конкурентов, всегда хватало ума сообщить лопухой части общества, что прирост ЕГО богатства происходит благодаря ЕГО трудолюбию на стадии производства, а не мошенничеству на стадии обмена. Но и действительное **превосходство** в производстве предприниматель всегда использует для **УСИЛЕНИЯ мошенничества** на стадии обмена. В противном случае предприниматели не могли бы получить самое сладкое для себя - т.н. сверхприбыль.

Демократические теоретики рынка упорно «не видят», что наиболее типичной ситуацией на рынке является не трудолюбие, а попытки обвести, обмерить, недодать сдачи, спрятать под-

гнившую помидорину среди свежих, продать мясо, зараженное «коровьим бешенством», под видом доброкачественного и т.д. Т.е., как показывает всемирно-исторический опыт, ВСЕ субъекты рынка практически всегда ведут себя взаимно и предельно плутовато. Но, поскольку все и всё в окружающей нас действительности подвержено развитию, постольку и непреднамеренные неточности перерождаются в периодическое сознательное мелкое плутовство патриархальных производителей, которое, затем, развивается в систематическое и безграничное и одностороннее мошенничество капиталистов.

Иначе говоря, и в объективной **невольной непропорциональности** рыночного обмена, и в продуманном стремлении первых торгашей-покупателей надуть **ДРУГ ДРУГА** крылась предпосылка для превращения этих **микрорешков** В ЗАКОН. Т.е. не каста продавцов надувает покупателей, а **ВСЕ участники РЫНКА** активнейшим и сознательнейшим образом участвуют во всеобщем **ВЗАИМНОМ** надувательстве, просто, капиталисты имеют одностороннее преимущество.

При господстве мелкотоварного производства масштаб взаимного надувательства и размер прибыли, получаемой тем или иным ловкачом, ничтожны и неустойчивы относительно получателя. Но, по мере монополизации экономики, завершается дифференциация товаропроизводителей на крупных, средних и мелких, а торговли, соответственно, на оптовую, мелкооптовую и розничную. Теперь, по примеру вассальной иерархии феодалов, буржуазия устойчиво делится на террариум олигархов и серпентарий «среднего класса». Ясно, что монополисты по сравнению с «средняками», вынося на рынок гигантские массы продукта, получают **одностороннюю** возможность для концентрации в одних руках гигантской массы погрешностей пропорций обмена. Т.е. монополисты завоевали право за существенно меньшее количество своих товаров выменивать у мириады мелких произ-

водителей существенно большее количество их товаров по натуральному выражению, тем более по стоимости.

Это, собственно, и является предпосылкой того, что в США ежегодно возникают и... разоряются 150 000 мелких фирм только в «городских» видах бизнеса.

Однако монополист считал бы себя неудачником, если бы на меньшее количество одного **натурального** продукта он выменял бы многократно большее количество другого **натурального** продукта. Например, куриных яиц. Даже самый разнузданный стяжатель понимает всю бессмысленность богатства в виде смердящих миллиардов куриных яиц, и даже миллионов экземпляров «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Дело в том, что огромный перечень материальных и псевдодуховных ценностей с течением времени подвержен моральному и техническому старению. Они утрачивают свою потребительскую стоимость, а вместе с ней и меновую стоимость и поэтому перестают быть богатством, их невозможно пустить в дальнейший оборот. В этом кроется еще одна причина, по которой рынок время от времени сотрясают кризисы «перепроизводства» натуральных продуктов.

Другое дело - золотые слитки, которые можно накапливать, пока хватит терпения и запасов золота в недрах Земли, извлекая монеты из процесса обмена, складывать их в сундуки, зная, что они не протухнут или, зарывать в землю, понимая, что они не истлеют. Поэтому рынок, как форма хозяйствования, получает господствующее положение после того, как в продажу начинает устойчиво поступать товар, позволяющий накапливать его без угрозы потери этим товаром своих дьявольски притягательных свойств. Таким товаром сначала стало золото, позднее банкноты, а затем и счета в банках, практически не требующие (от кризиса до кризиса) материального носителя. Выдающаяся роль и масштабы финансового рынка в экономической системе **современных** развитых

стран обнажают **истинные** помыслы фанатов рынка: **рост личных счетов, во что бы то ни стало и без какой-либо связи с материальным производством.**

Иначе говоря, по мере превращения золота из рядового товара для поделок в товар особого рода, т.е. во всеобщий эквивалент, в сознании участников обмена происходил некоторый «сдвиг по фазе» в прямом и в переносном смысле. Из внешне приличных и трудолюбивых людей производители превратились в оголтелых стяжателей, в кровожадных охотников за золотыми кружками. Но «тайное» стало явным лишь для добросовестных и наблюдательных людей. А для любителей скользить по поверхности явления картина рыночных отношений только усложнилась и возникла иллюзия приоритета «аристократа»-покупателя над «торгашом».

Именно по мере нарастания денежного обращения абсолютное большинство людей перестали замечать, что, в то время, когда одни **производители** только выносят на рынок полноценные товары, другие **производители**, уже реализовав свой продукт за золотые монеты, начинают поиск другого полноценного продукта, за который вынуждены отдать полученные в предыдущем акте золотые кружочки. А тут еще рядом с рынком реальных ценностей, который поддается логическому объяснению, заработал финансовый рынок, где все поставлено с ног на голову. Из-за этого «сдвига по фазе» и возникла иллюзия существенной суверенности продавца и покупателя.

Вульгарные экономисты своими «теориями» усиливают эту иллюзию. Они стараются оторвать товарное обращение от денежного и выпячивают мелкое мошенничество продавца на рынке. Такая позиция удобна для апологетов рынка в том смысле, что делает фигуру обладателя денег, т.е. «покупателя», экономическим аристократом. Отсюда в сознании вкладчиков возникает иллюзия, что торговец - это грязный торгаш, а банкир - это чистый финансист. В действительности именно финансист, т.е. ростовщик, всегда открыто и нагло продает меньшую сумму денег за большую. В отличие от простых товарладельцев, финансист вообще не прибегает ни к какой маскировке. Он просто и масштабно врет, обещая большой процент по вкладам, и тиранически диктует, объявляя процент

на ссуду. Однако и вкладчик-халявщик, как только становится «финансистом», т.е. продает свои деньги банку, начинает нахально требовать от ростовщика большого процента. Но в этом случае продавец денег, т.е. вкладчик, просто не понимает, что он будет фактически обобран ПОКУПАТЕЛЕМ денег, т.е. ростовщиком, поскольку ставка процента, выплачиваемая по вкладам, всегда меньше прибыли ростовщика, полученной благодаря применению денег недалекого вкладчика. Таким образом, наш продавец денег, рядовой вкладчик, ВСЕГДА оказывается крайним, но пока не понимает этого.

Итак, проникая с поверхности явления в сущность процессов, происходящих на рынке, т.е. проникая в сущность очередного, скажем, первого порядка, придется признать, что СЛОВО рынок обозначает не процесс купли-продажи, так сказать, «игру в одни ворота», а неразрывную связь между товаровладельцами, **ОТНОШЕНИЯ**, возникающие между **частными ПРОИЗВОДИТЕЛЯМИ** по поводу ОБМЕНА продуктами их производства, отношения, сулящие **одностороннюю И ТОЛЬКО** одностороннюю выгоду. Такое понимание значения слова «рынок» делает более понятным закон неизбежного движения рынка от видимости свободы к тирании монополий.

Если в эпоху патриархального рынка главным содержанием этих отношений являлось **невольное** удовлетворение общественных потребностей в разнообразных продуктах, а кажущаяся **эквивалентность** являлась **условием** обмена продуктами деятельности, то после появления денег объективная неэквивалентность рыночных отношений приобрела сначала форму денежной прибыли, а затем монопольной прибыли. То есть, произошла серия закономерных качественных скачков в развитии простой случайной формы прибыли.

Рынок, как форма экономических отношений, возникающих по поводу удовлетворения общественных потребностей производителей в натуральных продуктах, а затем прочих «товаровладельцев» (проституток, наемных солдат, чиновников и пролетариев), переродился в такую форму экономических отношений, когда **все** общество, включая и «средний класс», не сознавая этого, работает на ничтожную кучку монополистов во имя удовлетворения их

больного глобализма.

Домонополистический капитализм (с его «фратерните, либерте и эгалите») это абсолютно нетипичный, проходной штришок в истории действительного рынка. [Здесь мы пока абстрагируемся от проблемы неэквивалентности «рынка труда» и рынка рабочей силы, но отметим, что в условиях частной собственности эквивалентных рынков не бывает вообще]. Домонополистический рынок это непродолжительный переходный период от бесхитростных и низкодоходных обвесов и обсчетов эпохи феодализма и преобладания цеховой экономики к грабежу на научной, конвейерной основе, позволяющей олигархам пожирать с нарастающим аппетитом время жизни абсолютного большинства населения планеты.

Таким образом, приходится констатировать, что **сущность** капиталистического рынка состоит в **НЕЭКВИВАЛЕНТНОСТИ** обмена. В эпоху частной собственности неэквивалентность обмена и есть научное, «осушенное» от эмоционального водословия, содержание термина «**эксплуатация**». Все остальные черты рынка также узкотехничны, несущественны с точки зрения экономической подоплеку социальной напряженности, как и, например, цвет корпуса атомной бомбы для её мощности. Иначе говоря, капиталистический рынок существует до тех пор, пока на нем существует и **НАРАСТАЕТ неэквивалентность отношений обмена**. Оголтелая борьба за все большую либерализацию российского рынка и ведется **ЛИДЕРАМИ** бывшего Союза Правых Сил именно для того, чтобы олигархи США укрепили свой диктат на рынке РФ, а некоторым депутатам и чиновникам выдавали пенсию от Конгресса США за хорошую службу, как, например, сыну Хрущева или генералу Калугину.

Но, как известно, пропагандисты рынка немало потратили сил, убеждая россиян в том, что демократический рынок предоставляет всем **равные** возможности. Этот тезис пропагандировался демократами по-геббельсовски, т.е. настолько категорично, что даже массовая нищета, охватившая широкие слои демократов ельцинского призыва, все еще не привела всевозможных МНСов и СНСов, успевших покопаться в мусорных баках, к выводу о том, что магистральным содержанием современных ми-

ровых рыночных отношений является обогащение кучки, прежде всего, американских олигархов. Вялая реакция мировых СМИ на крупные неудобства, возникшие в последнее время у российских олигархов, свидетельствует о том, что вся мировая «закулиса», особенно американская, считает Россию «зоной своих жизненных интересов», а не каких-то там абрамовичей и фридманов.

Открытый Лениным закон неравномерности развития мировой экономики капитализма в нынешних условиях выливается в **МОНОГЛОБАЛИЗМ** США, и это можно рационально объяснить только нарастающей неэквивалентностью рыночных отношений между вооруженными до зубов монополистами США и относительно слабо вооруженной остальной частью мирового сообщества. Устойчиво растущее расслоение общества на богатых и бедных людей, на богатые и бедные страны, достигшее **БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫХ** масштабов именно в условиях рынка, вопиет о неэквивалентности рыночных отношений, как об **объективном экономическом законе**.

Разумеется, некоторую роль в неравномерности развития рыночных стран играют и конкретно-исторические особенности развития производительных сил той или иной страны. Но уникальные «национальные» научные и технологические открытия не могут долго являться исключительной тайной одной страны, даже США. Тем более, сегодня. Поэтому стоит повторить, что решающая причина неравномерности развития мирового рынка кроется, во-первых, в объективной невозможности обеспечения пропорционального развития мировой экономики при капиталистической частной собственности, а, во-вторых, в **СОЗНАТЕЛЬНОМ, обеспеченном авианосцами, неэквивалентном** обмене монополистов между собой и всем остальным миром.

Банкротства крупнейших компаний мирового масштаба, всемирные финансовые кризисы и аферы, непрерывные войны не позволяют сделать никакого другого вывода, кроме того, что современного математического аппарата, кибернетических устройств, армии экспертов и менеджеров, президентских программ совершенно недостаточно для предотвращения неэквивалентности в мировой **РЫНОЧНОЙ** экономике. Более того, вся политическая воля американского «истеблишмента» направлена имен-

но на доведение экономической неэквивалентности в мире до абсолюта с исключительной выгодой для себя.

Но, с другой стороны, наука и историческая практика доказали наличие всех необходимых объективных и субъективных условий, способных обеспечить пропорциональность и, следовательно, бескризисность общественного воспроизводства в любых масштабах. **Нужно лишь решительно отказаться от... РЫНКА, т.е. от насаждаемого вооруженным насилием принципа анархии в производстве и обмене.** Теоретический прецедент успешного исследования общественных пропорций экономики создал доктор Кенэ, еще в восемнадцатом веке. Объективные законы бескризисного развития экономики открыл К.Маркс во втором томе «Капитала», В.Ленин развил их в работе «К так называемому вопросу «о рынках», И.Сталин гениально воплотил их на практике, а В.Леонтьев по-плагиаторски (частично) применил выводы марксизма к японской и южнокорейской экономике, тем самым, помог японским и корейским крупным предпринимателям развиваться существенно более высокими темпами, чем их американские конкуренты. Относительно плановая и системная японская экономика в годы своего «чуда» отличалась от американской, как полет небольшого космического корабля от трескучей пальбы гигантской горы китайского фейерверка, безвкусного и всегда пожароопасного. Но у марксистов никогда не возникало сомнения относительно перспективы японских технологических «каратистов» в борьбе против американского республиканского «слона» военно-промышленного комплекса. Сколь бы ни была хороша миниатюрная фирма и страна, на рынке она обречена «лечь» под гиганта, сколь бы омерзительным тот не был.

Но, благодаря перестройке в СССР, проблема японской талантливой беспомощности приобрела всемирный характер. Мировой рынок вступил в такую стадию загнивания, когда американские монополисты будут стараться довести свой обмен с остальными участниками мирового рынка до пропорции: $N:0$, стандартной для рабовладения (где N - прибыль монополистов США, а 0 - «прибыль» всех остальных).

Но и внутри каждой страны, благодаря развитию биржевого дела, уже не патриархальная

ярмарка, а «лохотроны» являются наиболее полной моделью, иллюстрирующей сущность современного рынка. «Наперсточники», прежде занимавшие на ярмарках маленький уголок и подкармливавшие местного шерифа, теперь являются главными действующими лицами на биржах монополизированного рынка, опирающегося на ВПК. Рынок патриархальный и «рынок» монополистический похожи друг на друга, соответственно, как мормонская община на стройбат в период разгула демократии в СССР. Т.е. с научной точки зрения, РЫНОЧНОЙ экономики в развитых странах сегодня вообще не существует. Одностороннее использование монополистами США всей массы экономики страны в борьбе с аутсайдерами, организация экономических блокад, бомбардировок без санкций ООН, откровенный протекционизм ничего не оставили от идиллии рыночной игры времен Адама Смита. Если патриархальный рынок обеспечивал лишь чисто символическую и случайную прибыль, то, как показывают расследования налоговой инспекции США, норма прибыли монополий их военно-промышленного комплекса (ВПК) зачастую превышает 2000 % (две тысячи процентов), а официально объявленная чистая прибыль финансовых спекулянтов с гражданством США измеряется миллиардами долларов!

Деление современного «рыночного» сообщества на немногих посвященных и большинство экономически недообразованных представителей «среднего класса» позволяет уже сегодня довести соотношение неэквивалентности (особенно **на рынке труда**) до уровня пропорции казино, т.е. до соотношения $0:N$ (где «0» это выигрыш посетителя, а «N» это прибыль казино). Лас-Вегас потому и процветает, что профессиональным знатокам «теории игр» и т.п. премудростей, экспертам «от рулетки» противостоят «любители халявы», оставляющие владельцу казино ВСЕ свои деньги. Но это не частное свойство казино, а общее свойство рынка, тем более, современного. Приведенные выше пропорции давно вышли из области теории и «розовой мечты» буржуазии. Не так давно американские предприниматели ставили рекорды бесплатной эксплуатации мексиканской рабочей силы. Недавно российские олигархи служили предметом зависти всего Запада. Задерживая на полугодия и годы выплату зарплаты миллионам рабочих, учителей, уче-

ным, офицерам и даже милиционерам, они убедительно доказали, что современный рынок стремится восстановить РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ПРОПОРЦИИ между доходами хозяев и доходами пролетариев. Т.е. из самого факта наличия в природе недообразованных людей, рыночно мыслящие субъекты давно уже сделали правильный вывод: некомпетентный человек - это лучшее «сырье», дающее наибольшую прибыль при тираническом способе его переработки.

Массовое невежество разделило российское общество, как и население всех развитых рыночных стран, на два социальных слоя: на тех, кто в силу умственной отсталости **ВЫНУЖДЕН** выносить на рынок то, что всегда носят с собой, рабочую силу, поскольку система политического **насилия** не оставляет им (людям, не умеющим защищать свои классовые интересы), вариантов, и на тех, немногих, кто **НАСИЛЬНО УДЕРЖИВАЕТ** общество в рамках рыночных отношений, т.е. неэквивалентного обмена. Причем, абсолютно крайним в социальном слое, обогащающем капиталистов вообще, а монополистов в особенности, были и остаются пролетарии, прежде всего, промышленные. Поэтому, как и в первую мировую войну, есть все основания полагать, что пролетарии вновь раньше других сообразят, под ударами войны между РФ и НАТО на территории Украины, что современный мир устроен абсолютно самоубийственно.

Таким образом, если попытаться кратко сформулировать причины, по которым Запад усиленно предлагал советскому народу переход на рыночную экономику, то следует выделить, по меньшей мере, две из них.

Во-первых, потому, что без внедрения рыночной экономики невозможно было поставить население СССР в условия гарантированной неэк-

вивалентности и, следовательно, с одной стороны сосредоточить в руках немногочисленных олигархов все материальные ценности страны, а с другой стороны, превратить население СССР в массу, пригодную для покорной жизни в условиях перманентной неэквивалентности.

Во-вторых, без внедрения рыночных отношений в экономику СССР невозможно было ликвидировать преимущества централизованной плановой экономики над рыночной, возбудить национализм в стране, заставить драться между собой азербайджанцев и армян, грузин и осетин, грузин и абхазов, осетин и ингушей, киргизов и узбеков, русских и украинцев... А без разрушения СССР невозможно было начать решающую битву за поглощение экономики всего мира монополистами США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, напрашивается вывод, что оппонент «Прорыва» сделал все, чтобы не понять содержание серии статей в журнале «Прорыв», посвященных отношениям обмена через обман в условиях господства частной собственности, т.е. анализу сущности рыночных отношений и почти убедил «убежденного сторонника прорыва» в том, что, якобы, согласно теории Маркса, буржуазия не обманывает пролетариат, а просто, на основе эквивалентного обмена, получает с него прибавочную стоимость, особенно высокую с гастарбайтеров.

Так всегда бывает, когда молодой сторонник левой идеи считает себя убежденным раньше, чем съел пуд соли, изучив марксизм-ленинизм в полном объеме, как это рекомендует журнал «Прорыв» многими своими публикациями и письмами читателей, не спешаших называть себя убежденными.

Октябрь 2023

ПРИНЦИПАЛЬНОСТЬ И ЕДИНСТВО ПАРТИИ

Анатолий РЕДИН

Изучение истории партийного строительства, организационных основ большевизма и внутрипартийной борьбы по организационному вопросу является важнейшим элементом не только понимания и освоения теории марксизма-ленинизма, но и средством постижения и углубления концепции научного централизма.

Авторы «Прорыва» не торопятся называть научный централизм актуализированным, обогащённым опытом побед и поражений большевизма, пониманием партии ленинского типа только потому, что нам необходимо время на претворение в жизнь концепции, в ходе которой она превратится в полноценную научную теорию, подтверждённую практикой. Пока редакция журнала «Прорыв» и газета «Прорывист» выступают с открытым ко всем адекватным левым предложением: **изучить наши наработки, тщательнее изучать истпарт, подумать собственной головой о том, как оппортунизм и ревизионизм разложили КПСС в сфере организационного строя партии. Как и за счёт чего** на протяжении всей истории коммунизма в руководство партий пробираются предатели и подонки и **какие средства заслона** от этой беды можно создать. Однако пока большинство левых пребывают в дурмане иллюзий демократии, веря, что только введённые в оборот эксплуататорскими классами разных эпох демократические процедуры способны гарантировать чистоту рядов, научность и компетентность руководства.

Вообще, одно из самых злостных заблуждений левых состоит в том, что власть эксплуататоров сопряжена исключительно с недопуском эксплуатируемых к органам управления, контроля, выработки политических решений государства. Они как будто не замечают, что эксплуа-

таторские классы *сами* ввели в практику демократию: рабовладельческую, феодальную, буржуазную, безо всякого страха, что классовый характер государства изменится. Борьба реакционных рабовладельцев против античной демократии велась не потому, что она могла перерасти в какие-то социалистические формы, а была средством борьбы внутри и между эксплуататорами. Борьба реакционных феодалов против феодальной демократии также была борьбой за местничество против центральной власти, то есть борьбой внутриклассовой. Борьба реакционных феодалов против буржуазной демократии была борьбой за власть с молодым буржуазным классом. И сегодня сворачивание буржуазной демократии в большинстве случаев является борьбой группировок и лиц у власти.

Единственный пример - когда буржуазное государство сворачивает демократию из страха перед нарастающим рабочим движением - затмевает собой в сознании левых понимание сущности самой демократии. Им кажется, что раз подобная историческая практика имела место, значит, демократия и демократизация должны быть составным элементом не только коммунистической организации государства, но и принципом партийного построения.

К этому выдернутому из контекста примеру добавляются *два* ярких факта, которые в совокупности полностью *парализуют* всякий научный поиск левых в вопросе о сущности демократии.

Во-первых, это то, что коммунистические партии учреждались группами интеллигентов, которые, как правило, пытались строить отношения между собой по наиболее привычным и модным демократическим лекалам, соответствующим актуальным на то время представлениям о формировании массовой партии в противовес раз-

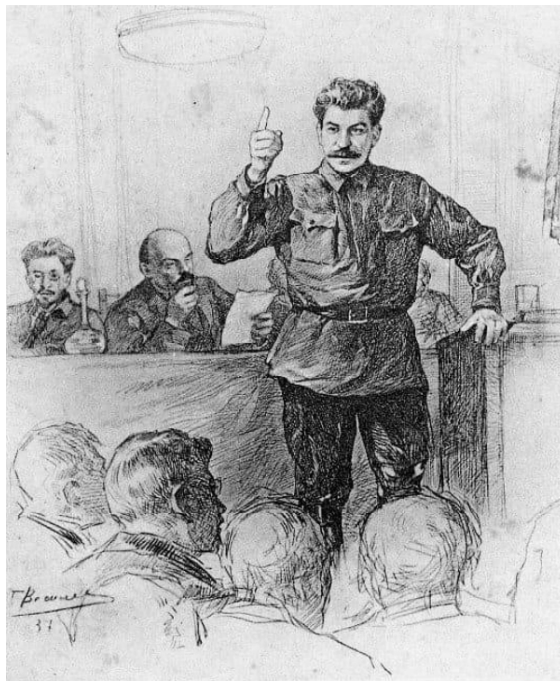
личным тайным клубам и заговорщическим группам. Отсюда, кстати, прибавка слова «демократический» к естественному и разумному централизму в названии оргпринципа.

Во-вторых, что всякое социалистическое государство провозглашает себя носителем подлинной народной или пролетарской демократии. Этот факт является важным юридическим и пропагандистским элементом диктатуры рабочего класса, но он лишён всякого научного смысла. Большинство левых свято верят, что «диктатура пролетариата = пролетарская демократия». Это, конечно, далеко не так. Элементы пролетарской демократии в системе диктатуры рабочего класса присутствовали во всех коммунистических государствах, но не являются обязательным атрибутом, не играли решающей роли, и, тем более, нельзя свести всю громаду диктатуры класса к отдельным процедурным моментам формирования публичных органов власти и средств контроля снизу. Кроме того, совокупность юридически и фактически значимых приёмов, правил и принципов, которые относят к пролетарской демократии, значительно отличается от известных форм демократии при диктатуре эксплуататорских классов. Марксисты прошлого ввели в оборот термин «пролетарская демократия» для удобства донесения определённых тактических и политических решений до широких масс в противовес буржуазной пропаганде.

В теории построения коммунистического общества демократия, как набор известных процедур и приёмов, задействуется только на самых ранних стадиях низшей фазы при ещё низком уровне сознательности партийных, околопартийных и беспартийных масс. Скажем, к 1950-м гг. в СССР наиболее значительные приёмы пролетарской демократии, такие как выдвижение кандидатов в Советы от производственных коллективов, отзыв депутатов, критика снизу, в том числе с использованием прессы, уже утратили характер открытой политической борьбы,

превратившись в эффективные средства партийного контроля, самоконтроля и взаимодействия с массами. Власть в СССР фактически осуществляло руководство коммунистической партии, которая органически являлась авангардом рабочего класса. А последующая практика утраты КПСС авангардной роли, разложения партии и класса наглядно показала, что демократия не стала и не могла стать способом избежать краха диктатуры рабочего класса, хотя все её основные рычаги имелись вплоть до самого развала страны. То же можно сказать и о всех других примерах увядания, загнивания и перерождения коммунистических партий. Никого, нигде и никогда демократия не спасла от деградации.

Итак, для тех думающих товарищей, которые освободились от типичных демократических заблуждений прежде всего в организационном

строительстве, при рассмотрении различных периодов истории большевизма как бы нависает вопрос о **соотношении принципиальности, идеологической, теоретической непримиримости и необходимости укрепления партийного единства.** Ленин и Сталин в тех случаях, когда за ними не шло партийное большинство, практически моментально вставали на позицию размежевания и фактически вели фракционную борьбу с оппонентами. В тех же случаях, когда большин-

ство было уже завоёвано их политической линией, они твердили о прекращении всякой фракционности, о необходимости блюсти партийное единство. Для неискушённого наблюдателя это выглядит не как применение диалектики, а как проявление прагматизма и возведённого в абсолют диктаторства. Мол, пока я некомандующая сила, давайте будем спорить и драться, как только я одержал верх, дискуссии нужно отставить и только повиноваться. Отчасти троцкистская теория культа личности базируется на подобной вздорной аргументации.

Если же почитать литературу ленинско-сталинского периода по этому щепетильному воп-

росу, то в ней предлагается такая формула: **полемика и борьба мнений может вестись не в ущерб единству партии, дисциплине и в рамках признаваемой всеми генеральной линии.** Однако на практике она давала сбои, порождая двурушничество и лицемерие. И в целом ситуация с кадрами была омрачена сильным их дефицитом с точки зрения управленческой компетентности. Поэтому много где приходилось уступать и сглаживать углы, так как «оппозиционеров» было банально нечем заменить. Иногда затягивание и мягкость с расстановкой неблагоприятных людей приводила к трагическим последствиям. Но не нам винить в этом Ленина и Сталина - величайших революционеров и марксистов, которые в крайне неблагоприятных условиях, протаптывая дорогу в будущее, совершили множество немеркнущих подвигов в деле коммунизма.

Сложности в проведении вышеуказанной формулы состоят не только в том, что она позволяет различным подонкам маскировать свои истинные взгляды и заниматься вредительством, но и в связи с тем, что несогласие с товарищами у порядочных и добросовестных марксистов возникает в абсолютном большинстве случаев не по фундаментальным вопросам теории и политики, а в ходе конкретно-исторической оценки важных событий, процессов и сложившейся обстановки. Страх перед чем-то неожиданным и новым, перед необходимостью быстро реагировать, принимать решения (часто надуманный ложной оперативностью) и страх ошибиться только усиливают колебания, неуверенность, обостряя реакцию несогласия. В таком случае человек вынужден оценивать потенциальный вред последствий от проявления своей принципиальности и нарушения единomyслия, единства организации и руководства. А раз он разошёлся с руководящими товарищами, скорее всего, и верно оценить ошибочность или безошибочность своей позиции ему не удастся.

Конечно, было бы замечательно, если бы все или абсолютное большинство людей, считающих себя коммунистами, стали политически зрелы-

ми личностями, прекрасными знатоками диаматики, легко ориентирующимися в обстановке объективными теоретиками и умелыми практиками. Иными словами, если бы все коммунисты были гениями уровня Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В таком случае коммунистическая партия выступала бы как сплочённый монолитный субъект, в ней царил бы единомыслие и абсолютное единство воли. Была бы одна сплошная принципиальность, которая органично перетекала бы в непоколебимое единство партии.

Однако ничего идеального в мире не существует, гениев много не бывает, все мы люди с определёнными и значительными недостатками, разного уровня зрелости и так далее. Кроме того, существуют объективные условия классового общества, в котором искусственно ограничивается развитие человека, и чтобы стать настоящим коммунистом, необходимо при-

ложить немало личных усилий, возможности для чего даже есть не у всех.

В реальности организация, партия будет использовать разделение труда, в том числе на управленческий и исполнительный, поддерживать дисциплину, единоначалие и порядок как минимум в целях воспитательной работы с кадрами. В этом смысле уместна аналогия не с монолитным субъек-

том, а с организмом, у которого есть голова (руководство) и руки (исполнительный аппарат).

Однако в отличие от бюрократического и функционалистского построения обычных для классового общества организаций, будь то религиозная секта, корпорация, аппарат буржуазного государства или армия, **коммунистическая партия выступает как единый организм только вовне, в характере своего политического воздействия, прежде всего, на собственный класс.** Разделение труда в коммунистической партии не должно быть строго привязано к специализации кадров.

Кадровая история большевизма показывает несостоятельность попыток подготовки узких специалистов, выращивания «чистых теоретиков», «чистых политиков», «чистых хозяйствен-

ников», «чистых полководцев» и так далее. Напротив, она демонстрирует высокую **эффективность принципа наделения толковых марксистов разным функционалом в зависимости от требований момента**. Если проследить, чем занимались, какие функции выполняли в то или иное время Ленин, Сталин и их ближайшие соратники - крепкие большевики, - то мы увидим, что хороший марксист способен быстро овладеть любым управленческим ремеслом, разобраться в любой области и отрасли, став на голову выше узкого специалиста. Главными факторами здесь являются глубокое овладение теорией марксизма-ленинизма, высочайший образец совести и самопожертвования. Именно когорта таких людей и превратила партию большевиков в самую могущественную силу в истории человечества. А нам необходимо не просто повторить опыт предков, но и превзойти их для решения насущных задач построения коммунизма во всём мире.

Возвращаясь к проблематике соотношения принципиальности и единства организации. Как это ни странно, но именно понимание характера внешнего воздействия организации как некоего организма с руководящим интеллектуальным ядром и мощным аппаратом исполнения помогает продвинуться в разрешении поставленного вопроса.

Несогласие человека с товарищами, тем более которых он признаёт руководящими, бывает двух видов. **Первый** - это когда человек не согласен, потому что он думает по-другому или на чувственном, интуитивном уровне испытывает неприятие некоторой позиции. Этот вид несогласия является проявлением незрелости и относится к людям, которые не вполне ещё сформировались как коммунисты. **Второй** - это когда человек переживает несогласие, потому что уверен, что позиция товарищей ошибочна и это приведёт к нежелательным последствиям для организации и коммунизма. Он не просто расходится в оценке в сферическом вакууме, а расходится потому, что перспектива дальнейшего развития ситуации сулит, по его мнению, крайне негативные последствия.

Меня иногда упрекают в моей редакторской работе в том, что я могу спустить на тормозах некоторые шероховатости или завихрения мысли. Позволить автору опубликовать не самые удачные формулировки и высказать спорные мысли по частному вопросу. А в другом случае цепляюсь за отдельные слова как неудачные и требую значительной переформулировки, либо сам меняю текст с согласия автора. Если не углубляться, может показаться, что это некоторая непоследовательность. Но дело в том, что моя задача как редактора - не только выдавать качественный пропагандистский продукт для читателя, но и создавать условия для теоретического и литературного роста авторов, заниматься кадровой работой. Мы не буржуазная газета, задача которой - продавать материал в интересах заказчика и угождать публике из-за конкуренции. И мы даже не чисто научное издание, задача которого - выдавать научные истины, которые сами по себе якобы изменят мир к лучшему. У нас коммунистическое издание, и **мы должны не только вести теоретическую работу, но и заниматься организацией партии и класса, то есть воспитывать, ру-**

ководить, вовлекать, увлекать, вдохновлять пролетариат. Поэтому если автор проявляет некоторое разночтение по вопросам, которые нечувствительны для общего дела, нефундаментальны, то это вполне можно допустить в **воспитательных целях**. И это работает. Многие потом постепенно изменяют свою позицию самостоятельно, а те, кто упорствуют в заблуждениях, сами же и уходят, когда их ошибки эволюционируют в сущностные противоречия.

Итак, **проблематика соотношения принципиальности и единства организации решается через признание роли руководства, а именно вождей.** Всякий желающий стать коммунистом обязан самообразовываться и самовоспитываться до самого высокого уровня вождя. Но путь этот неблизкий и не всем суждено успеть его проделать. Главное - стремиться и совершенствоваться. Если же человек считает себя способным уже сейчас руководить

коммунистической партией, то он должен быть абсолютно принципиальным, разорвать отношения со всеми товарищами, с которыми не согласен и вести самостоятельную работу по привлечению сторонников, убеждению пролетариата. Если человек осознаёт, что он пока не достиг необходимого уровня и признаёт авторитет товарищей, то он должен усердно и упорно размышлять над причинами несогласия, научно исследовать вопрос, делиться мнением и обсуждать с товарищами проблему, но при этом честно и добросовестно блюсти единство организации. **Авторитет мнения вождя или вождей должен превышать чувство протеста. Чем больше в решениях вождя или вождей научности, подтверждённой практикой побед, тем тише голос протеста, тем меньше у этого голоса слушателей, способных прийти в замешательство.**

Нарушает ли данный подход единомыслие в коллективе коммунистов? Дело в том, что единомыслие не следует понимать как абсолютное единообразие мыслей. Чем больше аспектов бытия освоено членами коллектива, чем глубже познания каждого управленца в своей сфере, тем большую роль играет авторитет глубокой компетентности, тем богаче комплекс, состоящий из несоизмеримых по содержанию, но равновеликих по степени истинности. Мышление неразрывно связано с практикой. Смысл единомыслия заключается в единстве проявления воли и действий. **Единство - это всегда соединение разного, но такое соединение, которое скрепляет это разное так, что оно выступает как одно целое.** И эта целостность не может быть достигнута иначе, как через равенство в научности. Если организация по-прежнему действует как единый организм, значит, единство базируется на очень глубоких научных основаниях. Никакая воля не способна заменить компетентность в деле придания монолитности организации, тем более её управляющему звену.

Плюсом данной формулировки соотношения принципиальности и единства партии по сравнению с примером из литературы ленинско-сталин-

ского периода является только... сама формулировка того, к чему большевизм пришёл фактически. Тогда постеснялись сказать то, как дело обстояло в действительности. Но это, кстати, позже прямо сказали чучхеисты в Северной Корее в теории вождя.

Может возникнуть вопрос: а не обманет ли излишнее доверие вождям?

Истина всегда одна по каждому конкретному вопросу, поэтому всегда есть **единственно верный** характер оценки ситуации и порядок действий организации в каждый исторический момент. Однако всякую мысль можно выразить разными словами, а всякое действие совершить различным образом. Когда мы говорим о политике, о действиях множества разных людей, то **истина проявляет себя в основном и главном.** Любую формулировку и любое действие можно было бы сделать лучше, а всякий человек мог бы быть совершенней. Важно лишь то, была ли достигнута победа, получен ли желаемый результат. **Идеальной стратегии, идеальной тактики, идеальной политики не существует, но, если стратегия, тактика и политика близки к идеалу, значит, победа обеспечена.**

Какая бы ни была складная и логичная теория, стратегия, тактика, только **практика способна окончательно установить их истинность или ошибочность.** История, безусловно, рассудит всякую коммунистическую партию. Однако, чтобы последовательно и уверенно проверить верность своей теории и политики, необходимо **без колебаний** действовать **всей** организации. Именно поэтому, только когда абсолютная принципиальность **перетекает** в требование абсолютного единства, это соответствует диалектике и исторической практике большевизма и других победных коммунистических партий.

Главная проблема коммунистического движения состоит не в переизбытке вождей, а, напротив, в их отсутствии. А те, кто уже сейчас себя нарекают руководителями борьбы за коммунизм, оказываются несостоятельными практически.

Октябрь 2023

КРИТИКА

О ЮРОДСТВУЮЩИХ В КОММУНИЗМЕ

Александр ЛБОВ

Многим известен (в перестройку / начало 90-х был весьма популярен и издаваем) такой писатель, как Андрей Платонов. Боюсь, современному поколению молодежи он известен скорее по анекдоту:

«Москва. Зима. Снег. Мальчик играет в футбол. Вдруг - звон разбитого стекла. Выбегает дворник, суровый русский дворник с метлой и гонится за мальчиком. Мальчик бежит от него и думает: «Зачем, зачем это все? Зачем весь этот имидж уличного мальчишки, весь этот футбол, все эти друзья? Зачем??? Я уже сделал все уроки, почему я не сижу дома на диване и не читаю книжку моего любимого писателя Эрнеста Хемингуэя?»».

Гавана. Эрнест Хемингуэй сидит в своем кабинете на загородной вилле, дописывает очередной роман и думает: «Зачем, зачем это все? Как все это надоело, эта Куба, эти пляжи, бананы, сахарный тростник, эта жара, эти кубинцы!!! Почему я не в Париже, не сижу со своим лучшим другом Андре Моруа в обществе двух прелестных куртизанок, попивая утренний аперитив и беседа о смысле жизни?»».

Париж. Андре Моруа в своей спальне, поглаживая по бедру прелестную куртизанку и попивая свой утренний аперитив, думает: «Зачем, зачем это все? Как надоел этот Париж, эти грубые французы, эти тупые куртизанки, эта Эйфелева башня, с которой тебе плюют на голову! Почему я не в Москве, где холод и снег, не сижу со своим лучшим другом Ан-

дреем Платоновым за стаканом русской водки и не беседую с ним о смысле жизни?»».

Москва. Холод. Снег. Андрей Платонов. В ушанке. В валенках. С метлой. Гонится за мальчиком и думает: «Догоню - убью!»».

Анекдот отражает не очень удачный период жизни Платонова, когда он работал дворником в Литинституте, и его не печатали. А что не нравилось советской власти в произведениях Платонова? Об этом, собственно, разговор и пойдет.

Несомненно, что Андрей Платонов не был диссидентом, а, наоборот, был просоветски настроен. Но... именно просоветски, а не коммунистически. Вернее, его можно было бы назвать коммунистом, но только в том смысле, в каком Маркс в «Манифесте коммунистической партии» разбирает различные виды «социализма», которые на самом деле не коммунизм, то есть, ненаучные виды политических учений, называющих себя «социализмами».

Если мы почитаем «Котлован» Платонова или, что еще более выпукло, «Чевенгур», то мы обнаружим, что, несмотря на то, что некоторые герои чуть ли не буквально молятся на Маркса и Ленина, собственно, коммунистов, то есть, людей знающих марксистский метод и активно применяющих его в социальной практике, там нет от слова «вообще». Платонов описывал и воспевал, если назвать кратенько, некий «стихийный» протокоммунизм крестьянской общины и маргинальной бедноты. Попробую объяснить, что это значит.

Протокоммунистические учения стихийно родились практически одновременно с частной собственностью (до нас из древности дошли очень ничтожные отголоски этих учений). Пись-

менность была развита плохо в те времена, и все держалась на личных талантах и личной харизме тех или иных проповедников, которые выражали стихийно-уравнительные идеи, нормальные для угнетаемых классов и трактовали, облачая в теоретическую форму, эти идеи как бог на душу положит (в основном, в религиозной форме - например, отсюда в христианстве идея о равенстве всех во Христе). В силу того, что в целом общесоциальные связи были достаточно слабыми, и крестьянин мог всю жизнь дальше окрестностей деревни не выезжать, то в каждой избушке водились свои погремушки - например, на территории одной лишь древней Иудеи количество различных пророков и проповедников зашкаливало. То есть, любая идея, которая так или иначе выражала идеи преодоления социального неравенства, имела шанс на массовую поддержку, неважно в какой форме она была выражена. Стихийная уравнительная реакция на частнособственнические отношения - это то, что мы называем «стихийным коммунизмом масс».

Стихийный массовый «коммунизм» есть НЕПРЕЛОЖНЫЙ ЗАКОН любого эксплуататорского общества. Он так же неизбежен, как восход солнца.

Но существенным фактором остается лишь ФОРМА, в которой он реализуется. Если он ухватится за форму, содержащую в себе толику

научного содержания, то у него появляется неплохой шанс на реализацию [например, английские диггеры (левеллеры) несли в себе эту толику разума - фактический захват дворянской земли в условиях революции был абсолютно верной тактикой реализовать их уравнительную программу, другое дело, что собственно теоретическая часть, которая полагала, что можно уничтожить частную собственность, передавая

в частную собственность равные доли земли, была убога]. Но христианская форма «коммунизма» веками топталась на месте и даже отползала все дальше и дальше от коммунистического содержания, пока не выхолостила от него почти всё, ос-
в и в

Андрей Платонович Платонов
(настоящая фамилия Климентов;
16 августа 1899 - 5 января 1951)
- русский советский писатель,
поэт, публицист, драматург,
сценарист, журналист, военный
корреспондент и инженер.

хами
1917
году общественная наука почилла на лаврах, полагая, что со стихийно-утопическими формами коммунизма после столь ошеломительных побед полностью покончено и на это не стоит обращать внимание. Но это ошибка. Стихийный коммунизм заменяется научным коммунизмом только в том случае, когда есть ДОСТАТОЧНО ГЛУБОКОЕ ПОНИМАНИЕ этого самого научного коммунизма. А это не равно пятерке по предмету «истмат» в институте и не равно вы зубренному Уставу КПСС и десятку-полтора

цитат из Программы.

Так вот, возвращаясь к Платонову. Платонов в своих произведениях отразил все возможные грани этого «стихийного утопического коммунизма». У него герои жертвенны и героичны во имя ОБЩЕСТВА, но у них из понимания смысла всего этого - только очень странные и не согласующиеся с марксизмом представления о «светлом будущем». Кому-то оно видится механизированным туловищем-фабрикой. Кто-то в духе Чайнова видит мир без городов, производящий только хлеб, кто-то грезит совместным (но почему-то исключительно физическим) трудом - одним словом, там целая галерея типов, у которого светлое будущее свое, и которые в революции 1917 увидели реализацию этого своего будущего, и как-то так у него в книгах всё произошло, что партия всю эту вакханалию крестьянских, в основном, мечтаний не прекратила, направив жесткой рукой куда надо, а демократично ушла куда-то в далекие дали, присутствуя только формально где-то там за горизонтом. А люди тем временем роют свой «котлован», исходя из мотивов очень даже разнообразных и только, в весьма частных вещах, перекликающихся с политикой партии (например, рыть котлован им все-таки партия сказала).

Логично, что восторгов критики эта социально-утопическая литература не вызвала. В 20-30-е годы акцентирование факта, что в разные этапы революции и Гражданской войны основная масса населения примкнула к большевикам не из идейных соображений, а лишь как временные попутчики, реализовывавшие достаточно далекие от научного коммунизма цели, уже было излишним. Такая литература не могла научить новое поколение ПОНИМАТЬ, что такое коммунизм, она его безнадежно запутывала в ворохе утопических идеек. То, что партия понимала, что именно так и было: стихийный коммунизм сельской общины пошел за большевиками лишь потому, что больше было идти не за кем - на противоположной стороне стояло такое зверье и людоедство, что нормальный крестьянин пошел бы с чертом, лишь бы против них, и то, что эту трактовку надо было пропагандировать на каждом углу - это вещи сильно разные. Можно понимать, но не пропагандировать. Платонов этого не понял и несколько лет махал метлой.

ЧЕВЕНГУР ВОКРУГ НАС

Развал СССР дал зазнавшимся постсоветским «марксистам» ощутимо понять, что сам факт существования теории научного коммунизма не уничтожает автоматически утопического социализма в любых его формах. 90-е дали нам блистательный пример рождавшихся и умиравших социальных утопий различного толка - в националистической, религиозной формах, в отдельных гражданских проповедях и движениях. Кто, например, помнит учение Федорова, который офтальмолог? А он баллотировался в президенты с забавной утопической идеей кооперации промышленности и различных социальных программ на невнятной экономической базе. Утопические формы протокommунистических учений стихийно рождаются и умирают в малограмотных массах с той же регулярностью, с какой капитал то усиливает, то ослабляет напор на пролетариат, как мыльные пузыри - возникают, лопаются, возникают новые. Всё булькает, но результата ноль. Факт генерации настроений утопического коммунизма в социальных низах НИКАК НЕ СВЯЗАН с марксизмом и вообще с какой-то деятельностью марксистов. Принимать на свой счет эффект от этого стихийного коммунизма достаточно опасно, как опасна любая переоценка или недооценка природных сил.

Причем эти настроения в силу отсутствия массовой НАУЧНОЙ коммунистической пропаганды принимают очень причудливые формы - социал-национализма, религиозного уравниательства, этатизма, пропаганды стихийно-коммунистической этики. Попытки масс так или иначе решать ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ вопросы неизбежно выливаются в стихийный коммунизм, будь это покраска лавочек в парке или формирование ополчения для защиты Белгородской области от вторжения ВСУ.

В обществе в целом очень много ЧИСТО КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПО СОДЕРЖАНИЮ ЭЛЕМЕНТОВ. Классика - это институт семьи. Но туда же можно отнести и плетение маскировочных сетей для армии, и сбор средств на квадрокоптеры и медикаменты. Туда же относится и файлообмен [там он уж в основном чисто по коммунистическому принципу - «от каждого по спо-

собностям, каждому по потребностям»]. Общество до сих пор не разодрано войной всех против всех исключительно потому, что капиталисты НЕ МОГУТ ПОБЕДИТЬ коммунистические отношения в обществе - не могут превратить всё в товар и начать обмен им на другие товары.

И в этой обстановке люди не могут не иметь и не выражать так или иначе соответствующие настроения. То есть, мы живем только частично в мире чистогана, есть некоторая часть окружающего мира, которая что-то вроде мифического платоновского Чевенгура, в котором прекраснородушные люди творят «благо всем» (субъективно, конечно) и многие даже готовы ради этого на лишения и героизм. Но при этом коммунистами ни разу не являются (и, возможно, никогда ими не станут).

И кратенько, что из этого следует.

А следует из него то, что:

1. 70 лет Советской власти создали нам условия, чтобы частично оседлать и перехватить этот процесс. Коммунизм в массовом сознании стал достаточно прочно связан с марксизмом.

2. Впрочем, это имеет и обратный эффект - огромное количество людей, которые называют себя коммунистами, на словах принимают марксизм и даже щеголяют цитатами из классиков, являются, по факту, носителями утопического коммунизма. Просто они не могут придумать никакого иного, более яркого, «коммунизма» и цепляются за ширму.

3. Имеется достаточное количество людей, которые пойдут за коммунистами, имея в виду что-то «свое», и нам надо понимать, чем, каким крючком можно зацепить стихийны комму-

нистов и как их использовать в революционном процессе.

4. А для этого надо понимать, какие формы принимает стихийный коммунизм масс, и где даже в самых реакционных воззрениях имеется коммунистическое зерно, и вытаскивать за эту ниточку массы из болота реакции и конформизма.

5. Попытки буржуазии эксплуатировать эти настроения ничем, кроме как эскалацией стихийно-коммунистических воззрений обычно не заканчиваются. Призыв буржуазии защитить Париж от пруссаков привел к тому, что от буржуазии потребовали политики в реализацию стихийно-коммунистических воззрений на политику и экономику, причем потребовали штыками. Потому в 1940 буржуазия предпочла сдаться, потому что понимала, что этого джинна в бутылке не удержит.

6. Из предыдущего пункта достаточно понятно, чем кончатся попытки российской буржуазии заигрывать со стихийным коммунизмом масс в условиях войн и кризисов (а они заигрывают, пытаются разжечь трудовой и боевой энтузиазм у пролетария для «общего дела» - защиты Родины). Они неизменно забывают, что пролетарий цели и задачи этого общего дела неизбежно поймет по-своему, и если буржуазия не будет постоянно приглушать эти ростки, то у них выйдет натуральный Чевенгур, где каждый героически строит что-то свое во имя общего блага.

Этот процесс надо и оседлать, и возглавить. И заодно избавиться от «коммунистов», у которых коммунизм обозначает что-то свое, а не научное понимание того, что НАДО.

Октябрь 2023

О ЛЮБВИ НА ФОНЕ «ГРАНАТОВОГО БРАСЛЕТА» КУПРИНА

Е. САФИНА

В школе, наряду с «Поединком» А.И. Куприна, проходят также другое его произведение - «Гранатовый браслет», который считается классическим произведением о любви. Даже те, кто не читал саму повесть, наверняка слышали монолог Аносова из нее:

«А где же любовь-то? Любовь бескорыстная, самоотверженная, не ждущая награды? Та, про которую сказано - "сильна, как смерть"? Понимаешь, такая любовь, для которой совершить любой подвиг, отдать жизнь, пойти на мучение - вовсе не труд, а одна радость. Постой, постой, Вера, ты мне сейчас опять хочешь про твоего Васю? Право же, я его люблю. Он хороший парень. Почем знать, может быть, будущее и покажет его любовь в свете большой красоты. Но ты пойми, о какой любви я говорю. Любовь должна быть трагедией. Величайшей тайной в мире! Никакие жизненные удобства, расчеты и компромиссы не должны ее касаться. <...> Я даже больше скажу: я уверен, что почти каждая женщина способна в любви на самый высокий героизм. Пойми, она целует, обнимает, отдается - и она уже мать. Для нее, если она любит, любовь заключает весь смысл жизни - всю вселенную! Но вовсе не она виновата в том, что любовь у людей приняла такие пошлые формы и снизошла просто до какого-то житейского удобства, до маленького развлечения. Ви-

новаты мужчины, в двадцать лет пресыщенные, с цыплячьими телами и заячьими душами, неспособные к сильным желаниям, к героическим поступкам, к нежности и обожанию перед любовью. Говорят, что раньше все это бывало. А если и не бывало, то разве не мечтали и не тосковали об этом лучшие умы и души человечества - поэты, романисты, музыканты, художники?»

С этими словами многие согласятся и сегодня. Но действительно ли мужчины виноваты в таком положении дел? И что этому потребителскому, утилитарному отношению к любви противопоставляет сам автор?

Тогда как похождения молодого Аносова иллюстрируют мужскую легкомысленность, а брак Шеиных - бытовое удобство, Желтков олицетворяет собою ту самую, трагичную, а потому уже, видимо, более настоящую любовь. И это отчасти верно, но только если мы, во-первых, сводим любовь исключительно к чувству, к страсти, желанию обладать предметом любви, а во-вторых, только если за норму мы принимаем существующие отношения между людьми, неизбежно несущие на себе печать отношений частной собственности. В.А. Подгузов в статье «Страна любви называлась СССР» дает следующее определение любви:

«С точки зрения сущности первого порядка слово ЛЮБОВЬ принято для обозначения ПРЕДЕЛЬНО развитой формы ОТНОШЕНИЙ между личностями по поводу расширенного воспроизводства ОБЩЕСТВА. <...> Любовь,

как и все сущее, своим наличием обязана единству и борьбе противоположностей, т. е. ОТНОШЕНИЯМ противоположностей, могущих принимать в обществе форму товара, стоимости, конкуренции, любви... Любовь - это одна из форм ОТНОШЕНИЙ противоположностей, а не только чувство [здесь и далее подчёркивание моё - Е.С.], тем более одностороннее, которое справедливо называют "несчастной любовью". Любовь, как форма объективных отношений людей, окрашена чувствами, но не тождественна чувствам, а тем более инстинкту продолжения рода, хотя инстинкт этот присутствует в психике здорового человека после завершения периода полового созревания.

И далее:

«Процесс воспроизводства может осуществляться экстенсивно или интенсивно. Экстенсивное, т. е. количественное, воспроизводство общества не способно разрешить ни одной социальной проблемы, поскольку означает как раз усиление "давления" производства на самих людей и природу. Напротив, интенсивный, т. е. КАЧЕСТВЕННЫЙ, тип воспроизводства - это и есть синоним решения социальных проблем. Поэтому расширенное воспроизводство общества, по своей сути, есть рост КАЧЕСТВА населения и, следовательно, КАЧЕСТВА отношений между людьми. Ясно, что с каждой новой действительно влюбленной парой улучшается КАЧЕСТВО морального климата в обществе, а дети, являясь материальным воплощением любви, приобретают абсолютные гарантии полноценного развития, т. е. умножения достоинств общества. И, наоборот, с каждой новой конкурирующей на рынке "парой" в обществе множится потенциал ненависти.

Иными словами, коммунистическое расширенное воспроизводство общества есть расширенное воспроизводство отношений любви, в то время как рыночное воспроизводство есть рас-

ширенное воспроизводство отношений эксплуатации, торгашества, конкуренции и вытекающей из этого ненависти, импотенции, фригидности и т. п.»

Иными словами, неэгоистическое, т.е. коммунистическое, отношение человека к человеку синонимично отношению любви. В случае романтической любви такое отношение окрашено половым чувством, влечением партнеров, но не сводится только к нему. Куприн идеализирует любовь Желткова, приводит ее в качестве примера любви «бескорыстной, самоотверженной, не ждущей награды», но является ли она таковой на самом деле? Желтков испытывает к Вере Николаевне **чувство** любви, это правда, однако его **отношение** к ней исключительно эгоистическое и в этом смысле мало отличается от легкомысленного отношения Аносова к своей «болгарочке». Ведь при каких условиях мы можем допустить любовь, игнорирующую волю, желание и чувство другого человека? Только при условии, что объект любви является и остается исключительно объектом, но не субъектом отношений. Желтков игнорирует отсутствие взаимного чувства со стороны возлюбленной; он действует не бескорыстно, отнюдь, он любит себя своим чувством и считает себя вправе писать Вере вопреки ее воле, а когда теряет эту возможность, кончает жизнь самоубийством, ставя ее в еще более неудобное положение, делая виновницей гибели другого, даже незнакомого ей человека. На первый взгляд, кажется, что Желтков действительно ничего не ждет от Веры Николаевны, он знает, что безразличен и даже смешон ей. Тем не менее он не отступает от своего чувства, не оставляет ее совсем в покое. Когда же он совершает самоубийство, то, очевидно, рассчитывает на то, что Вера Николаевна узнает об этом, ведь Желтков заранее предупреждает хозяйку:

«Если случится, что я умру и придет поглядеть на меня какая-нибудь дама, то скажите ей, что у Бетховена самое лучшее произведение...»

Существует интерпретация «Гранатового браслета», согласно которой в повести критикуется легкомысленный, пустой образ жизни русского дворянства, в то время как Желтков - маленький человек - противопоставляется этим людям, его любовь возвышает его над ними. Но Куприн не критикует дворянство, не критикует,

по крайней мере в данной повести, существующий социально-экономический строй; он, как и многие интеллигенты, критикует лишь его отдельные аспекты, а в остальном рисует пастораль. Если читателю и покажется жизнь Шеиных пустой и бессмысленной, то это будет лишь внешняя оценка, но не то, что есть в самом тексте. «Гранатовый браслет» - повесть о любви, и акценты в ней расставлены вполне однозначно. Куприн верно подмечает разрушающее действие имущественных отношений на отношения любви, но, будучи не в состоянии вскрыть сущность и разглядеть их преходящность, он не может предложить и выхода. Конечно, любовь не должна сводиться к мещанскому бытовому удобству, но само по себе бытовое удобство не такая уж тривиальная вещь. Как часто «любовная лодка разбивается о быт»? Уметь организовать совместный быт так, чтобы супругам было удобно и комфортно - большое дело, ведь бытовой комфорт проистекает в том числе из неэгоистичности партнеров, в противном случае, даже в самых благоприятных материальных условиях, совместная жизнь может превратиться в ад. Далее, если уж и противопоставлять вялотекущим, мелочным, потребительским отношениям что-то, так надо противопоставлять любовь взаимную, полнокровную, энер-

гичную, такую, которая обогащает обоих, дарит чувство надежного тыла, когда супруг - это верный друг и товарищ. Но в дружбе нет трагедии, и потому, парадоксальным образом, «страстная любовь» Веры к мужу, которая *«давно уже перешла в чувство прочной, верной, истинной дружбы»*, затмевается для нее любовью Желткова, любовью, *«про которую сказано - "сильна, как смерть"»*:

«Она единовременно думала о том, что мимо нее прошла большая любовь, которая повторяется только один раз в тысячу лет».

Для Желткова Вера - идол, предмет чуть ли не религиозного поклонения (*«Да святится имя*

твое»), его «не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем счастье людей», для него «вся жизнь заключается только» в княгине. Неужели это и есть идеал любви - всепоглощающее чувство, вырывающее человека из общественной жизни, превращающее его в апатичного, пассивного раба, вместо того чтобы, наоборот, обогащать и без того деятельную, осмысленную жизнь индивида, делать ее радостнее? В этом смысле любовь Желткова есть точно такая же мещанская любовь, как любовь Аносова к «болгарочке» и любовь супругов Шеиных, поскольку она замыкает человека в узком мире его личных страданий и переживаний, отчуждает от общества, т. е. по сути, является своеобразной формой эскапизма, бегства от реальности. В то же время в религиозном поклонении Желткова Вере видится отголосок культа прекрасной дамы, присущего куртуазному роману. Куртуазный роман появился во Франции в XII веке и был отражением причудливого смешения римской и варварской

культуры. От варварства ему досталось почтительное отношение к женщине, поскольку варварские народы перешагнули в феодализм, минуя классическое рабовладение, и у них еще сохранялись пережитки первобытно-общинного строя с его «материнским правом». От римской

рабовладельческой культуры ему достались, во-первых, своеобразная динамика между полами, где женщина выступает объектом, которого добиваются, а мужчина - актором, который добивается, и, во-вторых, половая любовь как любовь в первую очередь внебрачная. По мере развития отношений частной собственности и разрушения первобытно-общинного строя естественное разделение труда между мужчиной и женщиной, существовавшее и раньше, стало основой закрепощения женщины, низведения ее до роли домашней рабыни и «простого орудия деторождения». С одной стороны, в силу установившегося обычая, с другой - в силу того, что отношения частной собственности вообще мо-

гут держаться только на насилии, и мужчина, будучи по природе сильнее, имеет здесь известное преимущество перед женщиной, первый прибавочный продукт - скот - находился в собственности мужа. Но, согласно материнскому праву, его дети не могли наследовать ему, поскольку принадлежали к роду матери, и потому материнское право должно было быть вытеснено наследованием по мужской линии:

«Ниспровержение материнского права было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и - еще более - классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено» [Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»].

Но если факт материнства установить трудно, то установить отцовство до недавнего времени не представлялось возможным, а потому на женщину накладывались строгие ограничения, касающиеся ее половой жизни, с целью исключить вероятность передачи имущества незаконнорожденному ребенку. Имущественные отношения обеспечили мужчине сохранение права на промискуитет - этот пережиток группового брака, и они же предписали женщине содержать себя в чистоте и непорочности. Но раз женщине надлежит блюсти себя, то мужчина уже не может реализовать свое право на связь с множеством женщин, иначе как соблазняя чужих жен и будущих невест:

*«Каждый знает: на поле чужом урожай полновесней,
И у соседских коров дойное вымя полней»* [Публий Овидий «Наука любви»].

Конечно, мужчина пользовался своим правом на рабынь и проституток, но любовь предполагает равенство между партнерами, а потому могла возникнуть лишь со свободными женщинами - с гетерами, молодыми незамужними женщинами или чужими женами. В свою очередь, запертая в женской половине дома жена, поки-

нутая своим мужем, не оставалась в долгу: она искала утешения на стороне, пусть и с большим риском для себя. Романтическая любовь вообще, как мы ее знаем, не могла возникнуть из брачных отношений, поскольку брак долгое время оставался браком по расчету, заключался родителями будущих супругов без оглядки на чувства молодых людей. Именно потому, что моногамный брак был моногамным лишь для женщины, но не для мужчины, а также потому, что романтическая любовь изначально возникла как любовь незаконная, внебрачная, запретная, ей присуща своеобразная динамика, где мужчина вынужден постоянно добиваться женщины, соблазнять ее словами и подарками, а женщина - обороняться; она не имеет права уступить слишком легко и быстро. В куртуазном романе на влюбленного мужчину смотрят с сочувствием и даже уважением, притом наличие объекта любви никак не ограничивает его свободы, в то время как на женщину, как правило замужнюю, смотрят требовательно, ожидая от нее, с одной стороны, стойкости к страстным любовным домогательствам, с другой - снисхождения и сочувствия к влюбленному; если она сдастся, то бесчестит себя и мужа, если нет - называется жестокой и бессердечной (это, например, хорошо описано в «Дон Кихоте»). Отношение Желтокова к Вере, с одной стороны, как к пассивному объекту, которого добиваются, а с другой - как к священному предмету поклонения, вполне соответствует куртуазному роману, оказавшему серьезное влияние на всю европейскую литературную традицию.

* * *

«Гранатовый браслет» не теряет своей актуальности и сегодня, хотя положение мужчин и женщин во многом изменилось. Почему так? С одной стороны, культурные традиции меняются куда медленнее, чем экономические отношения, их породившие. Поэтому сегодня, наряду со свободными отношениями, отвечающими требованиям буржуазной эпохи, сохраняются отношения и патриархальные, как пережитки других, более далеких эпох. С другой стороны, при формальном юридическом равенстве сохраняется неравенство фактическое - экономическое, в т. ч. неравенство и между полами. Конечно, идея общественного договора, лежащая в основе современного права и буржуазной культуры вообще,

оказала свое влияние и на брак: как и любой другой договор, брачный договор должен заключаться свободно и добровольно, с согласия обеих сторон. Основанием такого добровольного союза может служить только взаимная симпатия партнеров, романтическая любовь. Это большое достижение буржуазного общества. Но стоимость воспроизводства рабочей силы мужчины и женщины различается. Поскольку стоимость воспроизводства женской рабочей силы ниже и при этом на женщину ложится полная ответственность за рождение и воспитание детей, постольку она гораздо более заинтересована в поиске мужчины и, как следствие, более «зациклена» на романтических отношениях. В то же время мужчина, рабочая сила которого в среднем стоит и покупается дороже, видит для себя брак предприятием «экономически нецелесообразным». Для него брак не только опционален, но зачастую и нежелателен; там, где возможно, он стремится обойтись без лишних для себя сложностей. Это экономическое неравенство между полами, неустранимое в рамках капиталистического способа производства, перетекает - не напрямую, но зигзагообразно - в сферу романтического, которая превращается в постоянное поле битвы, где женщины обвиняют мужчин в легкомысленности и неспособности любить, а мужчины женщин в меркантильности и желании «охомутать» их.

Феминизм третьей волны, декларирующий борьбу не только за освобождение женщины, но и мужчины (например, борьба за отпуск по уходу за ребенком для мужчин), целиком и полностью остается на буржуазной почве, а потому, при номинально благих целях, зачастую выливается в борьбу за привилегии по признаку пола. Видя весь корень бед в морфологических различиях между полами, буржуазный феминизм пытается либо стереть эту разницу, пусть и посредством хирургического вмешательства, либо сделать вид, что этой разницы не существует вовсе. Отсюда возникают нелепые и откровенно вредные требования. Например, требование предоставить женщине право заниматься «мужскими», в том числе и физически изнуряющими, не соответствующими ее конституции, профессиями. Если женщина из имущего класса имеет в этом прямую выгоду и интерес - она, таким образом, стремится упрочить свое положение в традиционно мужских сферах - бизнесе

и политике, - то для всех остальных это означает лишь снятие защитных механизмов, ограничивающих эксплуатацию более дешевого женского труда на трудоемких и тяжелых производствах. Борьба с пережитками патриархальной семьи тоже превращается в свою противоположность: вместо освобождения женщины от бытового рабства и сексуальной эксплуатации мы видим лишь разрушение семьи и распространение половой распущенности. Надо ли говорить, что моральное право женщины на свободные половые связи становится в таком случае лишь основанием для еще большей сексуальной эксплуатации; под эгидой женской эмансипации проталкиваются идеи легализации проституции и нормализации порнографической индустрии. В сфере личных отношений стигматизации подвергается конформность традиционным мужским и женским ролям: неприлично ни ухаживать за женщиной (это сексизм), ни принимать ухаживания (это подчинение «патриархату»). Но раз теперь неприлично ни оказывать, ни принимать ухаживания, то, что же остается? Голый чистоган. На смену проституированности, прикрытой раньше лицемерным, но сентиментальным покровом патриархальности, приходит открытая проституированность и половая распущенность обоих полов.

Поскольку и поборники традиционных ценностей, и борцы за равенство полов играют на одном и том же имущественном «поле», постольку ни те, ни другие не способны предложить позитивную программу действий. Если традиционалисты отстаивают моногамный брак с его же традиционным лицемерием и закрепощением женщины, то борцы за равенство, поскольку они вынуждены постоянно действовать в пику первым, не могут предложить ничего иного, кроме «свободных отношений». Но действительно свободные отношения возможны только при освобождении человека от эксплуатации и, следовательно, от мещанского мировоззрения, идеологии «здорового» эгоизма, когда не только другой вообще, но даже собственный супруг, родитель, ребенок потенциально выступают либо в роли удобной шеи, либо ярмом на шее собственной. Конкуренция всех против всех в буржуазном обществе, эта незримая гражданская война, неизбежно порождает - не может не породить - эгоцентричных, замкнутых на себе личностей; экономические понятия протаскиваются в любовь, которая теперь называется инвестицией, т. е. в сущности, предполагает обира-

ние другого, если не на материальном, то на бытовом и эмоциональном уровне.

Энгельс писал, что настоящая любовь возможна лишь в пролетарской среде, поскольку нищему пролетарию и нищей пролетарке нечего делить, их брак не может быть браком по расчету. Но сегодня дело обстоит иначе. С одной стороны, пролетарий «прикормлен» буржуазией, он уже не думает, что ему «нечего терять». То небольшое имущество, которым он владеет, он вынужден охранять от других, зачастую самых близких людей. С другой стороны, буржуазная пропаганда стала более агрессивной и всепроникающей. Призрак XIX века превратился в реальность в XX, и буржуазия вынуждена была всеерьез взяться за воспитание пролетариата по своему образу и подобию. Научная и творческая интеллигенция бросилась наперебой доказывать, что эгоизм суть человеческая природа и тот, кто пытается бороться с ней, обречен на гибель в агрессивной конкурентной среде. Любовь к ближнему - не преимущество, но слабость. Стоит ли удивляться тому, что люди адаптируют циничный, нигилистический взгляд на любовь: «любовь придумали поэты»? Те же, кто хочет и ищет любви, не могут встретить или удержать ее, поскольку в союзе двух эгоистов каждый тянет одеяло на себя. Кроме того, постоянное наступление «работодателя» на личное время рабочего не оставляет последнему свободного времени на поиск, развитие и поддержание романтических отношений. Встретить же любовь на рабочем месте становится все труднее: удаленная работа и платформенная занятость приводят к атомизации сотрудников, невозможности установить длительные устойчивые отношения. Таким образом, самыми благоприятными местами для встречи остаются школа и институт, где люди длительный период находятся рядом и вовлечены в одно и то же дело, что дает почву для развития общих интересов и спонтанного, живого общения. Но молодые люди зачастую не имеют достаточного опыта, чтобы сохранить свою любовь. Далее, молодые люди почти не имеют возможности приобрести собственное отдельное жилье, а ведь

«решенный квартирный вопрос и счастливая, любвеобильная жизнь - две достаточно взаимосвязанные "вещи"».

«Гранатовый браслет» поэтому бьет в точку не только в части ановских рассуждений о полах, но и в части предлагаемой альтернативы:

неразделенная любовь не только неизбежна, но в чем-то даже привлекательна в современных условиях. С одной стороны, она избавляет от необходимости утомительного поиска: череда неудач заменяется одной, освященной ореолом чистоты и искренности. С другой стороны, она освобождает от экономических обязательств, т. е. не требует ничего, кроме собственного чувства и упования им. С третьей стороны, она не наталкивает эгоцентризм одной личности на эгоцентризм другой, не позволяет разочароваться в предмете любви. С четвертой - служит своеобразной формой эскапизма, позволяет человеку замкнуться в мире собственных переживаний и фантазий.

Пандемия одиночества захлестнула сегодня страны первого и второго мира, и мы видим, что причиной этому, так же, как и во времена написания «Гранатового браслета», являются имущественные отношения. Куприн, хотя и связывает недостаток любви в современном обществе с имущественными отношениями, все же не может предложить иной альтернативы, кроме всепоглощающей, трагической любви Желткова. Это в какой-то мере связано и с любовью творческой интеллигенции к драме вообще, ее страстью к заламыванию рук и вздохам по судьбам человечества. Счастье считается скучным и редко становится предметом творчества, в литературе и кино оно почти всегда остается за «титрами», как то, что недостойно внимания, в отличие от предшествующей драмы. Нетрудно быть пророком очевидного: любви вокруг мало - это обыватель видит и сам. Но интеллигент видит себя выше общества, он противопоставляет себя «толпе» и с печальным видом поучает ее: «Люди никогда не умели любить - такова их природа». Или: «Люди разучились любить - о времена, о нравы!» Не умея или не желая дать читателю рецепт счастливой взаимной любви, он готов воспеть любовь несчастную, безответную - словом, такую, в которой есть драма. И чему противопоставляется такая любовь? Разве она противопоставляется любви счастливой и взаимной, основанной не только на общности интересов (это есть и у мещан), но на общности прогрессивных стремлений, когда любовь обоих служит лишь дополнением к и без того насыщенной и счастливой жизни; жизни, посвященной борьбе за благо человечества? Нет. Она противопоставляется мелочным, склочным, вялотекущим

отношениям, словом, тому, что и без того знакомо обывателю. Ни в том, ни в другом случае творческая интеллигенция не говорит ничего нового. Взор ее ограничивается рамками прошлого и настоящего; возвышенное положение, занимаемое ею в обществе, вместо «вороньего гнезда» вперёдсмотрящего оказывается хвостом этого самого общества; роль пророка, воспитателя и учителя, духовно возвышающего и поднимающего трудящиеся массы на борьбу за коренное переустройство общества, променяна ею на гонорары за пошлые банальности о человеческой природе; а обличение язв капиталистического общества обращается позорным, даже извращенным упоением людскими пороками и страданиями.

Пессимизм интеллигенции - вещь не новая и не удивительная. Даже великие умы прошлого отчаивались порой, глядя «окрест» себя, и душа их «страданиями человечества уязвлена» была. Но «отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться». Можно понять отчаяние чуткого сердца далекой эпохи, когда еще не существовало научного объяснения причины зла, но чем дальше мы отстоим от «Коммунистического манифеста», тем менее простительно это отчаяние. Разве находим мы хоть каплю пессимизма в работах классиков марксизма? Нет. А ведь они описывали в своих работах такие вещи, которые сами по себе не могут не повергать в отчаяние: тяжелый гнет эксплуатации и нищету, болезни и смерть, моральное разложение и деградацию. Но, поскольку они знали корень зла, их работы, наряду с **реалистичным** описанием жизни, дышат революционной бодростью и оптимизмом. Или Радищев - этот «первый пророк» революции в России, знавший, что современники его по большей части останутся глухи к его призывам, - разве есть пессимизм в его «Путешествии»? Напротив, оно дышит благородной яростью, грозит «царям плахую», и Радищев, хотя и знает, что голос его - это глас вопиющего в пустыне, все же не отчаивается, поскольку он знает также, что слово его не померкнет в веках, наоборот, много позже, когда тело его давно будет предано земле, слово его будет жить; он знал, что к голосу его со временем присоединятся сотни, тысячи и миллионы других голосов. Куприн же жил и писал тогда, когда человечество уже видело и Весну народов, и Парижскую ком-

муну, и первую русскую революцию; когда оно было не только вооружено революционной научной теорией, но и живым опытом едва ли не вчерашних по историческим меркам событий; а всего через семь лет после «Гранатового браслета» случится Великая Октябрьская революция. Но Куприн не понял и не принял ни революций прошлого, ни современную ему революцию 1917-го, а потому вместо революционного оптимизма в его работах мы находим лишь интеллигентский пессимизм и **натурализм**.

* * *

Итак, мы видим, что отношения частной собственности вообще и капиталистические в частности разрушают брак, семью и любовные отношения в целом. Но это лишь одна сторона вопроса. Не впадая в интеллигентский пессимизм, мы должны сказать и о другой стороне. Да, современное общество постоянно сталкивает людей друг с другом, противопоставляет их, ставит в антагонистичные, конкурентные отношения - это правда, но это еще не полная картина. С другой, противоположной стороны, тут и там пробивают себе дорогу, спорадически и стихийно, отношения человеческие, коммунистические, т. е. любовные.

В пределах не только общества, но даже в пределах одной личности сталкиваются и борются две противоположности: конкуренция выдвигает одни требования к индивиду, а потребность в здоровых человеческих отношениях - другие, конкурентная среда воспитывает одни качества, коллективизм - другие. В капиталистическом обществе индивид находится в состоянии постоянного напряжения, конкуренция не оставляет места душевной мягкости, вытравливает из человека любые «слабости». Убей или будь убитым - вот золотое правило конкуренции, а нервность, озлобленность, недоверчивость, пассивность, апатичность - неизбежные характеристики личности, адаптировавшей такое правило. Воспитатель сам должен быть воспитан, и буржуазия не способна дать широким массам иное воспитание, чем имеет сама. Беспринципность возведена ею в принцип, эгоизм - в добродетель, грубая сила - в моральное право. Как господствующий класс она навязывает свои нормы поведения всему остальному обществу (не только потому, что верит и исповедует их сама, но и потому, что

пролетариат, раздираемый внутри себя конкуренцией, ей объективно выгоден - divide et impera) и таким образом производит в промышленных масштабах личностей слабых, деформированных, не способных ни испытать, ни вызвать в другом глубокое и искреннее чувство. Но с другой стороны, общественная, коллективная природа человека упрямо прокладывает себе дорогу. Человек стихийно стремится к установлению доброжелательных отношений, пусть и в рамках небольшого коллектива, с себе подобными и даже в условиях разрушающего воздействия буржуазной морали сохраняет своими идеалами такие качества, которые соответствуют требованиям человеческого общежития: честность, сострадательность, мудрость, справедливость, смелость, трудолюбивость, добросовестность и т. д. Именно эти качества люди стремятся воспитать в детях и ищут в возлюбленных, вопреки жестоким требованиям эпохи. Даже если мы положим, что нравы в обществе действительно портятся, то результатом этого является не переоценка ценностей, когда любовь отдается мелочным и бесчестным, а уменьшение количества любви между людьми вообще.

Деформация личности под «прессом» частнособственнических отношений при одновременном стихийном стремлении к указанным идеалам человеческого общежития приводит к тому, что человеку все труднее и труднее установить близкие, доверительные отношения. С одной стороны, он сам может быть не способен на глубокое и искреннее чувство и не обладать личностными характеристиками, необходимыми для того, чтобы вызвать его в другом. С другой стороны, он может не находить в своем окружении того, кого можно было бы полюбить. Иначе говоря,

«необходимым социальным условием возникновения отношений любви является не внешняя привлекательность субъектов, а адекватность социально-интеллектуальной РАЗВИТОСТИ личностей, переживающих чувство взаимного влечения. <...> В СССР развитие каждой личности было уже в 30-е годы поставлено таким образом, что адекватную себе личность, т. е. любовь “с первого взгляда”, можно было встретить везде - в школе, в институте, на работе, в транспорте».

Симптоматично, что Овидий в «Науке люб-

ви», указывая наряду с прочим на необходимость соблюдения гигиены, украшения внешности и владения изящными искусствами, по сути, учит своего читателя науке... **обмана**, однако даже он чувствует, что самый верный путь к сердцу - добродетель и если ее нет, то стоит хотя бы... **притвориться**.

Вообще, расхожее мнение таково, что романтическая любовь по природе своей немыслима без определенной доли обмана. Но это отнюдь не природа романтической любви и не природа человека как такового, но природа человеческих отношений **на определенном историческом отрезке**. Во-первых, мы уже видели, что снижение качества личности не приводит к снижению критериев ее оценки. Там, где добродетель не имеет благодатной почвы для обильных и плодородных всходов, ее приходится изображать. Во-вторых, любовь изначально была делом внебрачным, и уже по одному этому она не могла не обманывать: она была вынуждена скрываться от чужих глаз, от родителей, от законного супруга. В-третьих, любовь с рождения несла на себе печать имущественных отношений: мужчина хотел подешевле «купить», женщина - подороже «продать»; мужчина видел в этом свое право (конечно, только если оно не касалось его собственной жены или дочери), женщина же - опасность для себя. Связь, не грозившая мужчине ничем, кроме удовольствия, могла стоить женщине ее положения, состояния и даже жизни. Куприн словами Аносова говорит о мужчинах «с дыплячьими телами и заячьими душами, неспособных к сильным желаниям, к героическим поступкам, к нежности и обожанию перед любовью», в то время как женщина «способна в любви на самый высокий героизм», «она целует, обнимает, отдается - и она уже мать. Для нее, если она любит, любовь заключает весь смысл жизни - всю вселенную». Но не потому ли мужчина «неспособен» к «обожанию перед любовью», что любовь женщины есть его право? Не потому ли, что имущественные отношения обращают любовь в товар, за который должно торговаться, и женщина, больше рискуя, торгуется ничуть не хуже мужчины. В конце концов, не потому ли, что у мужчины есть жизнь за пределами домашнего очага, что он политик, ученый, философ, художник? И не потому ли для женщины «любовь заключает весь смысл жизни - всю вселенную», что, с одной стороны, вся

ее жизнь ограничена узкими рамками семейного быта, а с другой - что любовь мужчины служит для нее средством защиты, необходимой гарантией того, что мужчина не сбежит, оставив ее наедине с возможным плодом их связи? «В войне и на любви все средства хороши», и сравнение любви с войной не кажется таким уж преувеличением, когда рождение, детство и юность ее прошли под знаком войны полов. Удивительно ли, что обе стороны были - и до сих пор - вынуждены прибегать к «военным» хитростям?

Притворство, и шире - ложь, есть лишь следствие наличия неразрешимого конфликта между людьми, ведь если бы он мог быть разрешен к взаимному удовлетворению сторон, ни одной из них не приходилось бы скрывать свои истинные намерения. Притворство - это попытка скрыть реальное содержание за иной формой. Но изменение формы невозможно без изменения содержания: форма составляет единство со своим содержанием, как и содержание - с формой; одно всегда соответствует другому, пусть даже изменения в них не происходят строго одновременно, а с некоторым временным разрывом. Душевное состояние человека не может не проявляться внешне: в интонациях, в манере речи, в лицевых выражениях, даже в походке. Человек эволюционировал как стадное животное, и чуткость к распознаванию настроения других членов стада «зашита» в нашей «программе». Мы делаем это, не задумываясь и даже, если не всегда можем подобрать точные слова для описания состояния другого человека, то все же чувствуем движения его души. Если корпоративная этика и «клиентоориентированность» вынуждают работника лицемерно улыбаться безразличному, а то и неприятному ему лицу, чтобы не остаться без работы, а политики и без того склонны к патологической лжи и лицедейству, то это все же временные маски, сбрасываемые в ту же минуту, когда никто не смотрит. И если мошенник успешно завоевывает доверие своей жертвы, то не столько благодаря своим выдающимся актерским способностям, сколько благодаря невнимательности и внушаемости жертвы, ее легковерности, которая особенно свойственна людям в расстроенных чувствах. Потому-то мошенники так внимательно относятся к выбору жертвы и, как правило, выбирают одиноких стариков и женщин. Но в близких отношениях невозможно долго притворяться. На долгое и убедительное при-

творство не способен даже самый одаренный лицедей, да и близкие отношения на то и близкие, что в них человек ищет отдохновения, он хочет в них быть самим собой и хочет, чтобы его любили таким, какой он есть. Поэтому всякого рода хитрости и манипуляции, применяемые обоими полами в любовной схватке, помогают разве что выиграть «битву», но по итогу приводят к проигрышу в «войне».

Вот что говорил Макаренко о воспитании детей:

«Ваше собственное поведение - самая решающая вещь. Не думайте, что вы воспитываете ребенка только тогда, когда с ним разговариваете, или поучаете его, или приказываете ему. Вы воспитываете его в каждый момент вашей жизни, даже тогда, когда вас нет дома [здесь и далее подчеркивание моё - Е.С.]. Как вы одеваетесь, как вы разговариваете с другими людьми и о других людях, как вы радуетесь или печалитесь, как вы обращаетесь с друзьями и с врагами, как вы смеетесь, читаете газету - все это имеет для ребенка большое значение. Малейшие изменения в тоне ребенок видит или чувствует, все повороты вашей мысли доходят до него невидимыми путями, вы их не замечаете. А если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы и методы вам не помогут.

Родительское требование к себе, родительское уважение к своей семье, родительский контроль над каждым своим шагом - вот первый и самый главный метод воспитания!

А между тем приходится иногда встречать таких родителей, которые считают, что нужно найти какой-то хитрейший рецепт воспитания детей, и дело будет сделано. По их мнению, если этот рецепт дать в руки самому заядлому лежебоке, он при помощи рецепта воспитает трудолюбивого человека; если его дать мошеннику, рецепт

поможет воспитать честного гражданина; в руках вряя он тоже сделает чудо, и ребенок вырастет правдивым.

Таких чудес не бывает. Никакие рецепты не помогут, если в самой личности воспитателя есть большие недостатки».

Личность человека и его настоящее отношение (содержание) проявляет себя (форма) всегда, даже тогда, когда он сам об этом не думает. И как родитель воспитывает ребенка в каждый момент своей жизни, так и любовник проявляет себя каждую минуту, а не только в моменты особенной нежности или особенной готовности. Как в воспитании нет и не может быть хитрых рецептов, так не может их быть и в романтической любви.

* * *

Кризис семьи и брака, наблюдаемый сегодня, не может разрешиться в рамках буржуазного общества, поскольку оно выкорчевало с корнем экономическое основание, на котором покоилась старая патриархальная семья. На место патриархальной семьи с ее связью поколений пришла семья нуклеарная, но и она не имеет экономической основы: в развитом буржуазном обществе, где не осталось места семейному производству, где каждый работник выступает индивидуальным продавцом рабочей силы и соединяется со средствами производства и с другими работниками лишь на время, не осталось места и семье. Брак между двумя экономически независимыми друг от друга индивидами, таким образом, может быть только добровольным союзом, основывающемся на взаимной симпатии, но и ей нет места в обществе, где каждый не только независим от другого, но и напрямую противопоставляется

ему как конкурент. Мы видим, что противниками брака сегодня выступают не только мужчины, но и женщины, от которых все чаще и чаще приходится слышать, что брак обременителен; длительному совместному проживанию молодые люди предпочитают т. н. гостевой брак, свободные отношения или их отсутствие вообще. Буржуазное общество, освободив семью от пут экономической зависимости, с одной стороны, с другой стороны, противопоставило индивида обществу вообще и семье в частности. Его прогресс есть одновременно и регресс: освобождение семьи было одновременно и ее разрушением. На место экономических отношений, бывших основанием семьи, пришли экономические отношения, препятствующие ей. Любовь же, долженствующая стать основанием семьи нового типа, не может развиваться в обществе всеобщей конкуренции. Конкуренция порождает тип личности, неспособный ни вызвать любовь, ни испытать ее, и не существует такой техники, которая спрятала бы от чужих глаз эгоизм и мелочность или породила бы любовь в эгоистичном и мелочном сердце.

Вся «хитрость» любви заключается в «адекватности социально-интеллектуальной РАЗВИТОСТИ личностей, переживающих чувство взаимного влечения», а значит, *единственный* способ разрешения любовного кризиса заключается в том, чтобы поднять человека до такого уровня, при котором отпадет сама нужда в хитростях. Необходимо создать условия для всестороннего развития каждой личности, когда внутреннее и внешнее, индивидуальное и общественное перестанут находиться в противоречии - только в этом случае человек сможет по-настоящему, честно и искренне любить и быть любимым.

Октябрь 2023

ЛЕНИНГРАД ИЛИ ПЕТЕРБУРГ

Бронислав

Являясь от природы человеком любознательным, я в то же время не могу похвастаться званием заядлого путешественника. Обстоятельства моей счастливой, но (что важнее в этом контексте) скромной жизни не позволяют баловать себя, достаточным образом удовлетворяя указанную выше любознательность. В этой связи удивительно, что даже те редкие «вылазки» во внешний мир, которые я, в силу разных обстоятельств, имею возможность предпринимать, к сожалению, в очень короткие сроки становятся мною забытыми. Происходит это по причинам мне неведомым, но, очевидно, некоторым образом связанным с особенностями моего мыслительного аппарата.

Так бы и продолжали яркие впечатления и глубокие мысли уходить в небытие, если бы не моя судьбоносная встреча с марксистами, которые объединились вокруг теоретической программы журнала «Прорыв». Их пропагандистский опыт и сформулированные на его основе товарищеские советы позволили мне принять решение, согласно которому впредь и на всю жизнь я обязуюсь (в первую очередь, перед самим собой) записывать впечатления, возникающие на моём жизненном пути, и создавать на их основе публицистику, способствующую формированию из любознательного юноши настоящего марксиста-литератора.

Ну а чтобы Вы, уважаемый читатель, не заподозрили меня в пустословии или словоблудии, спешу поделиться некоторыми своими мыслями, на которые меня натолкнула моя недавняя поездка в Петербург.

I

Бескорыстность является характерной чертой здоровых семейных, дружеских или романтических отношений, руководствуясь которой близкие люди стремятся друг другу помочь,

друг друга поддержать (особенно в трудные времена). Меня, как человека в какой-то мере удачливого, подобное правило не обошло стороной. Так, близкие мне люди, желая отвлечь меня от сложностей, с которыми я столкнулся на своём жизненном пути, подарили мне возможность посетить один из красивейших городов Земли, Санкт-Петербург.

Не сказать, что я был абсолютно счастлив. Скорее даже наоборот. Привычная обстановка работы и учёбы должна была смениться ежедневным потоком резко сменяющихся событий, лишённых того умиротворения и высокой концентрации, которыми я был богат в своей обычной жизни. Однако, понимая, что отдых является необходимой чертой здорового образа жизни, я всё-таки отправился в своё первое за долгое время путешествие.

Изматывающая и долгая дорога до места назначения никак не повлияла на первое впечатление от Петербурга. Да и к тому же с момента самого въезда в город и до момента моего из него выезда я стремился к научному познанию сущности северной столицы, поэтому эмоции, проявляющиеся у меня с разной степенью периодичности и мешающие осознанному изучению города, я старался держать под контролем. Однако часть впечатлений и мыслей захлестнула меня сразу по прибытии, не дав времени на глубокий анализ.

Необычное сочетание безвкусной современной и высокохудожественной классической архитектуры изначально было не так заметно на фоне общего моего восхищения специфической атмосферой Петербурга, погружению в которую способствовали аромат свежего кофе и дорогого парфюма, сменяющие друг друга уютные пирожки, изредка разделённые благоухающими зелёными скверами, мысли о роскошных дворцах и грандиозных архитектурных ансамб-

лях, которые, как мне в шутку казалось, с нетерпением ожидают моего визита. Всё это с первых минут заставило меня забыть об ужасной головной боли и затекших конечностях. Однако моё первое впечатление вскоре, как я сам себе и обещал, сменилось вдумчивым изучением Петербурга. Мне хватило пары дней, проведённых в городе, чтобы сформулировать нижеприведённый приговор.

II

Отвратительное зрелище морального разврата и духовной деградации напомнило о капиталистической сущности некогда, действительно, очень культурного города. Коммунистический Ленинград уступил место капиталистическому Санкт-Петербургу не только в справочниках и на картах, но и в самом внешнем виде города, в образе мыслей людей как в нём живущих, так и в него приезжающих. Десятки музыкантов, произвольно расположенных по всему туристическому центру и нередко напоминающих об одном из главных девизов современного Петербурга «В Питере - пить», олицетворяют собой «благотворное» влияние демократии и либерализма на культуру.

Вдумайтесь! Не читать Гоголя или Пушкина, не гулять по летним садам, рассуждая о высоком и важном, не наслаждаться живописью, скульптурой и архитектурой, так богато в Санкт-Петербурге представленной, а пить, кутить, курить (не всегда табак)... в общем, отдыхать по-питерски.

Возьмём, к примеру, главную улицу города, Невский проспект. Алкогольные бары и стриптиз-клубы, предлагающие любознательным путешественникам окунуться в омут легкодоступных грехов; подрабатывающие студенты или мигранты, раздающие на каждом шагу листовки, содержащие информацию о зле наркотиков, о необходимости борьбы с наркозависимостью, листовки, представляющие из себя лишь видимость этой борьбы; наглые мошенники, маскирующиеся под обаятельных маркетологов и ищущие очередную наивную жертву среди толп туристов; меркантильные девушки, завлекающие своими откровенными нарядами богатых и не менее меркантильных ухажеров; золотая молодежь, громко и хамовато рассекающая на дорогах иномарках, - вот чем наполнена главная улица «культурной столицы». И это лишь краткий перечень запомнившихся мне примеров знаменитой питерской «культуры».

Главной и, по правде говоря, единственно ре-

ализуемой функцией Питера является исполнение мечты обывателя, стремящегося спрятаться от капиталистической эксплуатации в бездумном и непрекращающемся веселье. И Петербург, надо отдать ему должное, успешно с этой функцией справляется. К счастью, я был к этому готов, так как не питал надежд насчёт упомянутого выше «благотворного» влияния капитализма на культуру. Но одним пониманием невозможно полностью подавить неприятные впечатления от непосредственного восприятия источника отвращения.

Стоит, правда, отметить, что мои негативные эмоции не касались самого культурного наследия, поэтому ничто не помешало мне с большим удовольствием посетить, например, Эрмитаж и Михайловский дворец, где мне удалось насладиться шедеврами Айвазовского и Брюллова, Рембрандта и да Винчи, Репина и Куинджи, ближе познакомиться с античными статуями, с бюстами Сократа, Спинозы, Герцена, Толстого, соприкоснуться взглядом и мыслями с величайшими произведениями искусства, которые когда-либо видела русская земля.

Однако даже с «прекрасным» всё не так гладко. Дело в том, что многие из достопримечательностей за пеленой внешнего блеска таят в себе страдания и муки трудящегося населения. Роскошные вазы и бриллиантовые украшения были приобретены на материальные средства, добытые жесточайшей эксплуатацией трудящегося населения. Грандиозная по своему великолепию архитектура скрывала за собой грандиозные по зверству преступления власть предержащих, не останавливающихся ни перед какими жертвами на пути к показному величию. Об этой «мелочи» большинство, к сожалению, забывает. А зря.

Посещение музеев и иных примечательных с культурно-исторической точки зрения мест навело меня на ещё одну мысль. Бродя по прекрасным залам и любуясь достопримечательностям, я видел тысячи и тысячи туристов, бездумно созерцающих экспонаты и экспозиции. Люди, не имеющие доступа к коммунистической системе образования, наивно полагали, что пара часов, проведённых в «эстетской» атмосфере, способна заменить им десятилетия обывательской, чуждой культуре жизни, вознеся их на «духовный Олимп». И даже так называемые аудиогиды, развешанные по ушам (как лапша в известной русской поговорке), не смогли бы помочь за всё те же пару часов повернуть вспять десятилетия планомерной деградации и оглушения. Это

наблюдение в очередной раз напомнило мне о былом величии некогда культурного города. Сегодня же люди съезжаются в Питер не из тяги к прекрасному и великому. Нет. Их привлекает бренд, мода, тщеславие мещанина-индивидуалиста, стремящегося похвалиться своим культурным опытом перед другими такими же мещанскими индивидуалистами. Питер из культурной столицы превратился в столицу показного престижа, кутежа и запрещенных удовольствий.

В продолжение темы стоит также добавить, что здесь очень развит институт экскурсоводов (по большому счету бесполезный). Многочисленные экскурсии по музеям или по водным каналам, забивающие пустые головы слушателей бессмысленной и пустой информацией, например о количестве бриллиантов в браслете императрицы, являются фикцией, обманкой для самолюбивых туристов, лицемерно уверяющих самих себя и всех окружающих в своей заинтересованности, в своей грамотности, в своем чутком и изысканном вкусе. Современные искусствоведы не объясняют сути искусства и культуры как особой, необходимой формы человеческого труда, не рассказывают (правдиво и научно) про ужасы, которые сопутствовали строительству Петербурга в целом и отдельных дворцов и замков в частности, не объясняют всей глупости и дикости подобных мероприятий, обрекающих тысячи и миллионы рабов на страшную духовную, а затем и физическую смерть ради фальшивого счастья кучки самопровозглашенных властителей. Вся их искусствоведческая учёность ограничивается перечислением второстепенных фактов, затмевающих свет истины, одинаково скрытый как от самих экскурсоводов, так и от их платежеспособных, а потому беспомощных жертв. Таким образом, посещение памятников и музеев является не более чем данью некоему богу лицемерного приличия, оно является всегда вынужденной, но не всегда интересной обязанностью наивного путешественника.

А как должно быть на самом деле? Музей должен быть понят, а не просто просмотрен. Сокровища человеческой культуры, хранящиеся в наших музеях, могут быть восприняты только людьми всесторонне образованными, число которых при капитализме стремится к нулю. До тех пор, пока общественные отношения не претерпят качественного изменения, ни о каких действительных культурно-просветительских мероприятиях говорить не приходится. Популярные лек-

ции и экскурсии есть лишь способ вытягивания денег из туристов, способ, отрицающий настоящую культуру, подменяя её красиво упакованным суррогатом.

Изучение науки и культуры должно быть организовано на основе диалектической методологии мышления, исключая идеализм, плюрализм, буржуазный объективизм и иные формы оглушения человечества. Спорадические и случайные моменты получения знаний (к тому же зачастую сомнительных; вспомним буржуазное искусствоведение и естествознание, которые распространяются так называемыми популяризаторами науки) должны быть заменены плановой, целенаправленной педагогической научно-просветительской практикой, что возможно только при коммунистической организации общества.

Несмотря на всё описанное выше безобразия, Ленинград - один из крупнейших советских городов, поэтому отыскать здесь осколки коммунистической цивилизации было не так сложно. По совету товарища я медленно прокатился по красной ветке питерского метро, насладившись известным сталинским стилем, который был несправедливо «забыт» по вине Хрущёва. Причём многие уже построенные сталинские станции почувствовали на себе последствия □□ съезда: например, в 1961 году на Нарвской станции было удалено мозаичное панно с портретом Сталина. Вовсю шла так называемая борьба «с излишествами в архитектуре», которая олицетворяла собой борьбу взявшего власть оппортунизма с ленинско-сталинским марксизмом.

К сожалению, за несколько дней успелось далеко не всё, например, мне так и не удалось посетить музей-квартиру Кирова и музей блокады Ленинграда, которые, несмотря на капитализм, распространяющий клевету на всё коммунистическое, могли содержать полезную и интересную информацию о советском периоде северной столицы. Поэтому буду ждать новой возможности для более глубокого ознакомления с коммунистической стороной этого города.

III

Приехав в Питер, я не мог пройти мимо ещё одной темы для рассуждений. Как известно, Санкт-Петербург обычно называют «культурной столицей» России. Иронично, но если верить информации из открытых источников, то этот неофициальный титул город впервые получил от Бориса Ельцина. С тех пор прошло много лет, од-

нако это звание так и закрепилось за Петербургом. Интересным является как сам титул, так и исторические обстоятельства, при которых он был получен.

Крушение СССР повлекло за собой невиданную в историю деградацию не только производства, но и культуры. Массовые закрытия музеев и библиотек, институтов и научно-исследовательских центров, кафедр и факультетов повлияли на всё постсоветское общественное сознание, уничтожив даже видимость культуры практически везде, кроме крупных городов. Тысячи научных и культурных работников, вмиг оказавшиеся на улице, напрямую столкнулись с «щедростью» и «добротой» демократов, о которой так долго «врали» коммунисты. Поэтому получение титула столицы культуры в период господства бескультурия - весьма не случайный, а наоборот, закономерный процесс, нашедший отражение также и в самой формулировке титула.

Постсоветское накопление капитала постепенно сменилось монополизацией и концентрацией, что отразилось и на культуре. Москва и Петербург забрали в свои лапы не только большую часть производственных мощностей бывшей РСФСР, но и оставили десятки миллионов трудящихся вне культурного контекста, погрузив провинцию в материально-духовную нищету. Империализм, уничтожая всё человеческое, не остановился и перед благородным стремлением людей к прекрасному и истинному. Процессы монополизации, таким образом, не ограничивались экономической сферой, распространяясь и на сферу культуры. Те же из жителей Санкт-Петербурга, кто проклинают девяностые и похваляются громким титулом «культурной столицы», не понимают, что оба явления друг другу не противоречат, представляют собой два закономерных следствия «освобождения» России от пут «коммунистического тоталитаризма». В результате мы имеем, с одной стороны, концентрацию культуры (точнее то, что ещё можно таковой назвать) в экономически господствующих городах, с другой - нищету и деградацию в провинции. Те же редкие фрагменты культуры, которые остались после прихода к власти демократов, держатся единственно на энтузиазме отдельных выдающихся личностей. Однако подобное светское подвижничество, лишённое понимания необходимости движения к коммунизму, является лишь новым прочтением так называемой «теории малых дел» и обречено на не-

удачу, что и демонстрирует нам суровая действительность умирающей российской глубинки. Вопрос же о том, какую форму такие процессы (культурная политика и ликбез) принимали и должны принимать при строительстве коммунизма, представляет известный интерес и должен быть рассмотрен в отдельной статье.

IV

В последний день моего пребывания в Петербурге, сидя на скамейке в одном из небольших парков Васильевского острова, я искал в интернете информацию, связанную с историей Ленинграда, и случайно наткнулся на новость, в которой говорилось об инициативе неких «коммунистических активистов» по переименованию Санкт-Петербурга в Ленинград. Этот случай далеко не первый, но достаточно примечательный и важный в контексте моей поездки.

Очевидно, что переименование Санкт-Петербурга может нести в себе положительное содержание, способствующее очищению отечественной истории как минимум от той радикальной формы либерального антикоммунизма, которая была с переменным успехом реализована в эпохе, предшествующей СВО. Однако никакое переименование не способно вернуть в головы миллионов понимание значения этого города для всего человечества, иными словами, не способно внедрить в сознание обывателя знание марксизма. Ленинград - это не просто набор букв, не просто название. Ленинград - это символ коммунизма, символ разума и свободы, добра и любви. Это город, ставший колыбелью первой коммунистической революции, город, олицетворяющий начало качественно новой эпохи в истории цивилизации, город, воплотивший в действительность мечту всего передового человечества, город, с честью выдержавший на себе натиск европейского варварства, город... Ленина, величайшего из людей. Потому жалкие попытки формального исторического реванша, предпринятые недалёковидными активистами, воспринимаются лишь как оскорбление памяти наших славных предков, которые жертвовали своими жизнями не ради названия, а ради смысла, сохраняющегося в нём.

Если российской власти будет надо и выгодно, то она это переименование произведёт, не ожидая новых инициатив от различных активистов. Исторические обстоятельства вынуждают отечественную буржуазию прибегать к формаль-

ной и зачастую надстроечной ресоветизации сверху, чем должны пользоваться коммунисты, разъясняя людям смысл подобных процессов, их классовую суть и возможные последствия для страны. В ином случае, популистские мероприятия российской власти так и продолжают восприниматься как осознанный «левый поворот», что нас, очевидно, не устраивает.

Коммунисты не против самого переименования, ибо от него, как я уже говорил, с точки зрения коммунистической агитации больше пользы, чем вреда. Коммунисты против популистских мероприятий активистов, заменяющих цельную коммунистическую практику пародией на онаую, пустым сотрясанием воздуха посредством громких газетных заголовков. Настоящий коммунист в наше время должен не бегать по различным администрациям, разнося жалобы и пожелания, а заниматься планомерной коммунистической пропагандой и самообразованием, воспитывая в себе совесть и волю, тренируясь на публицистическом поприще. Только тогда переименование Ленинграда будет делом не отдельных буржуазных бюрократов, а всего российского народа во главе с коммунистической партией.

У

Итак. Что же мы имеем в итоге? Ленинград был культурным городом не по названию, а по существу. И культура эта определялась не столько количеством шедевров искусства, сколько массовой грамотностью-культурностью, которая явилась результатом синтеза духовно-материального наследия русских и иностранных мастеров с беспрецедентными просветительскими мероприятиями большевиков. Научный, культурный и промышленный центр, коим Ленинград был при добросовестных коммунистах Сталине, Кирове и Жданове, при бессовестных антикоммунистах-олигархах превратился в гламурную помойку, до отказа облепленную пабами и притонами, кишашую наркоманами, извращенцами, бомжами и прочими городскими «достопримечательностями». Как это и было до коммунистической революции.

Ситуация, сложившаяся на берегах Невы, типична для любого капиталистического общества. Культура подменяется брендом, знание - интеллигентствующим снобизмом. Однако повода для

уныния нет. Наоборот. Сравнительный анализ одного и того же города способен лучше любых статистических сборников и клеветнических «исследований» продемонстрировать действительную разницу между коммунистической диктатурой и либеральной демократией, между обществом творцов и конгломератом потребителей. Потому проведение подобных сравнений представляется полезным для коммунистической пропаганды и агитации.

Тот факт, что современный Санкт-Петербург не заслуживает звания, которое он получил с легкой руки первого президента демократической России, не вызывает у меня не малейшего сомнения. Более того, настоящая культура есть, во-первых, явление коммунистическое, недостижимое на основе «цивилизации» частной собственности, «цивилизации» господства невежества и бессовестности, и, во-вторых, явление, не ограничивающее себя рамками столичных агломераций. Коммунистическая культура стремится присутствовать в жизни людей как в крупных городах, так и за их пределами. Ликвидация безграмотности в СССР проводилась в том числе в деревнях и сёлах, результатом чему стали беспрецедентные темпы просвещения народных масс и рост производительных сил. За два десятилетия большевикам удалось совершить настоящий прорыв в области образования, превратив отсталую крестьянскую империю в передовую индустриальную державу. Всё это было возможно только благодаря тому, что партией руководили коммунисты-вожди, крупнейшие теоретики и практики марксизма - Ленин и Сталин.

На перечислении фамилий этих двух великих людей я бы предпочёл остановиться. В будущем многие темы можно ещё обдумать, что-то уточнить, что-то добавить, однако путешествие подошло к концу. Собственно отдыхом мою поездку назвать сложно. Но таковы особенности современных больших городов, подавляющих тебя своей энергией постоянной спешки. Нужно хорошенько постараться, чтобы действительно отдохнуть в «мегаполисе». Всё же моя поездка натолкнула меня на важные размышления, которыми я поспешил поделиться с Вами, дорогой читатель. А потому своё путешествие я имею право признать полезным, продуктивным и поучительным.

Октябрь 2023

РАЗМЫШЛЕНИЯ ЮНОШИ ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ

И. ШАПОВ

«Размышления юноши при выборе профессии» - это одно из самых ранних произведений Маркса. Оно было написано им 12 августа 1835 года, в возрасте 17 лет, как выпускное сочинение из гимназии. Одновременно с ним на эту же тему писал 32 выпускника, и уже тогда заметна оригинальность языка и направления мысли молодого Маркса. Уже в этом раннем произведении мы видим глубоко гуманистическую направленность Маркса, его альтруизм и полное отсутствие какого-либо эгоизма и педантизма. В этом сочинении юный Маркс сформулировал направленность всей его жизни - служение человечеству.

«Но главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага.

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком.

История признаёт тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт перевозит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшее-

му количеству людей; сама религия учит нас тому, что тот идеал, к которому все стремятся, принёс себя в жертву ради человечества, - а кто осмелится отрицать подобные поучения?

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это - жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слёзы благородных людей».

В этих строках чувствуется большая сила ума и зрелость. К моменту окончания гимназии Маркс уже понимал, что счастье всех есть залог счастья для каждого. Только работая на благо всего человечества, возможно добиться подлинного счастья. Как позже скажет сам Маркс - счастье в борьбе. Это было знамя всей жизни Маркса и таковым оно должно быть для всех коммунистов.

То, что в сочинении юного Маркса он понимает под благом всего человечества, позже им самим будет развито до понимания коммунизма как всеобщей эмансипации человечества от оков рабства, эксплуатации и отчуждения. Цель жизни для коммуниста есть борьба за коммунизм с системой человеческого рабства, за переход человечества в мир свободы, за создание общества, основанного на науке, за разумную организацию всей человеческой жизни. Это, и ничто иное, должно быть жизненным кредо каждого

человека совести, каждого настоящего гуманиста, при этом не противопоставленным высказыванию самого Маркса: «Ничто человеческое мне не чуждо».

Работать на коммунизм сегодня - значит самосовершенствоваться в науках, в особенности в марксистской науке! Только знание объективных законов природы и общества разорвет цепи рабства. Наука - наш меч, наше единственное и самое верное оружие в борьбе за всеобщее счастье, за мировое братство, за торжество свободы. Берите пример с наших великих учителей и вождей: Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, они являют собой образец единства науки и революции, союз знания и борьбы. Ничто великое в мире не совершается без страсти. Морально Маркс был уже готов направить всю свою энергию, все свои силы и душевные порывы на эту великую борьбу. Он считал, что нет задачи благороднее и священнее этой борьбы. Говоря словами Гегеля:

«Смело отдайся ты, отпрыск богов, продолжению битвы,

*Брось примирение с собой и трудом
этот мир разрушай!*

Пробуй себя превзойти, - хоть не станешь ты лучше, чем Время,

Время само вознесется дерзким усилием твоим».

Историческая задача коммунистов заключается в объединении угнетенных в революционный рабочий класс под руководством партии научного централизма. В этом заключается пророческая сущность коммунистов, их историческое значение. И каждый считающий себя коммунистом должен стать достойным этой роли. Партия, которая признана трудящимися, должна работать так, чтобы стать умом, честью и совестью эпохи, только тогда она может считаться коммунистической. Такой партии еще нет, ее и предстоит нам создать. Для создания такой партии необходимы кадры, овладевшие научной революционной теорией прогресса человечества, без которой невозможна никакая революционная практика. Самообразование и бескомпромиссная борьба за умы поколения - лозунг текущего этапа. Журнал «Прорыв» - это наш теоретический орган, вокруг которого и складывается

будущая партия.

Пишет все это юноша, тех же лет, что и Маркс, писавший свое выпускное сочинение, и, подобно Марксу, я сделал свой выбор - служение благу всего человечества в великой борьбе за коммунизм. С этим знаменем я вступаю в жизнь и от него никогда не отрекусь!

Сентябрь 2023

ОТКРОВЕНИЯ СТУДЕНТА-ИСТФАКОВЦА О СВОЕМ ПУТИ К «ПРОРЫВУ»

А. МАЛЬГУНОВ

Вот сижу я сейчас и думаю: «А с чего начинать-то?» Рассказать хочется много, а «бумага» и формат работы должны вмещать самое ценное и всеобщее, т. е. то, что необходимо, чтобы читатель мог уловить суть моего поведения и действий, вынести ценное и полезное из прочитанного. Пожалуй, начну с более-менее сознательных лет моей жизни, а именно с начала моей школьной жизни.

I. СКИТАНИЯ В ПОТЁМКАХ

В связи с горячей, но все-таки, подчеркну, не фанатичной религиозностью моих родных я поступил в православную гимназию. Всем более или менее посвященным в тему мышления ясно, что дети не способны не то, что мыслить абстрактно, но и вообще строить мировоззренческую систему хоть каких-нибудь категорий, не то что научных. У детей каждое понятие оторвано от объективной реальности и «висит в воздухе». Оно связано с авторитетом кровного близкого, возможно, чужого взрослого человека и не находится в системе других взаимосвязанных между собой категорий. Вот и попав в церковную систему, я начал, как хозяйственная губка, «впитывать» все, что мне говорили ее ревностные члены, не задумываясь об истинности даруемых знаний.

В процессе «обучения» в начальных классах у меня выстроилось точно такое же мировоззрение, как и у моих верующих учителей. Последнее включало в себя помимо догматов

церкви еще стыдливый национализм в монархической форме, слившийся с современными консервативными идеями. В сущности это был тот самый пресловутый «русский мир», только в еще более примитивной эклектичной форме, приспособленной для детского разума. Также на развитие моего внутреннего духовного мира повлияло время, а точнее его отсутствие. Все свободное время, которое появлялось, пытались занять «душеполезными делами», которые были направлены на закабаление мысли ребенка, на создание филистера без творческого и последовательного мышления, который бы раболепствовал перед «всезнающим милостью божией» попом. Это были и различные церковные обряды, и частые беседы со священнослужителем, и «культурные» мероприятия, и т. д. и т. п. Если говорить насчет последних, то они в какой-то степени оказали положительный эффект на мое развитие как марксиста.

Помимо чисто пропагандистских мероприятий реакционного характера, были еще действительно культурные мероприятия, а именно посещения различного направления и содержания музеев, культурных центров родного города и других городов России, заповедников, картинных галерей и т. п. Конечно, без определенной степени образованности и диаматического осознания ценности культурного достояния Родины невозможно было полноценно обогатиться этим богатством человечества. Однако благодаря посещению культурных мест у меня выработалось **стремление к пониманию этого достояния**, хотя и не было пока основы, почвы

для **правильного, научного его осознания.**

И сейчас время вспомнить о **совести** человека. Не хочу показаться хвастуном, рассказывая о повышенной развитости своей совести, но, откровенно говоря, в моей жизни, начиная с детского возраста, она сыграла и продолжает играть достаточно значимую роль. И стремление к научному познанию культурного наследия было вызвано именно этой госпожой, спутницей подлинно человека, а не животного. С самого того периода, когда я мог что-либо осознать, я всегда старался **поступать правильно, по совести.** Меня этому учили сизмальства. С каждым решением более-менее серьезного жизненного выбора я пытался разрешить противоречия в сознании. С каждым новым вопросом становилось все сложнее и сложнее пользоваться детской системой «что такое хорошо и что такое плохо». Вопросы становились все более многогранными и сложными, из-за чего они оставались до недавнего времени нерешенными.

В стремлении решить свои внутренние противоречия я входил в конфликт с окружающими меня людьми, с обществом и родственниками. И сопутствующие переживания ложились психологическим грузом на мою, к этому времени уже не ребенка, а подростка, душу. К началу момента активной конфронтации с окружающими у меня начались подростковые психологические пертурбации, отягчающиеся фактом морального разложения и хаотичного сексуального образования прямиком из интернета. Также усугубилась другая проблема, а именно игромания, из-за чего я потерял столько нужного и полезного времени, бегу которого в детстве ты не придаешь большого внимания, но которого постоянно не хватает в дальнейшей жизни. Все это изменило мой образ жизни, который очень сильно деградировал. Апатия, лень, самоуничтожение, агрессия, безысходность, страх - все это были спутники жизни опустившегося еще не полностью, но все-таки человека. И вследствие такой деградации изменились мои интересы. Раньше я ходил на кружок авиамоделирования, ходил плавать в бассейн, ходил на легкую атлетику (и все, само собой разумеется, не за бесплатно, а где-то и по благу, в нашем буржуазном царстве-госу-

дарстве). Теперь же мои интересы кружились вокруг видосиков на ютубе, мобильных и компьютерных игрулек, вокруг материалов сексуального характера и японской мультипликации. Что же касается чтения книг, то изначально высокая культура чтения не была у меня сильно развита, а в рассматриваемый период тем более, даже произошла деградация того небольшого прогресса, который существовал до него. И тем не менее, некоторые художественные произведения мною читались, хоть преимущественно и в добровольно-принудительном порядке. Учитывая этот факт, а также то, что в целом все мои интересы вышеупомянутого периода находились в Интернете, то немудрено, что к марксизму я пришел через левых блогеров, которые тогда активно осваивали популярные видеохостинги.

II. ПЕРВЫЕ ШАГИ К МАРКСИЗМУ

В целом момент знакомства с творчеством Семина и Рудого явился моментом моего знакомства с левым движением. К этому времени в моем сознании была полнейшая эклектика идей и догматов преимущественно клерикально-националистического толка, которые, однако, вполне уживались с идеологемами либерального характера. Но в целом в своей морально-культурной деградации я далеко не ушел от детской инфантильности, а сохранил ее к своим 14-15 годам в виде обывательского равнодушия к общественной жизни, наверное, потому, что последнее всегда меня окружало в семье. И, несмотря на это, совесть продолжала работать, хоть ее роль сильно снизилась в моей жизни. Зачастую я приходил в состояние Каренина - персонажа из известного романа Льва Николаевича Толстого, который ввел себе «табу» на какие-либо свои размышления о его отношениях с женой и последней с любовником, - но вскоре из такого состояния выходил, так как каждый раз приходило ко мне осознание бессмысленности вранья по отношению к себе. «Зачем постоянно думать над этими противоречиями, когда я не могу их объяснить, вследствие чего постоянно нахожусь в напряженном, стрессовом состоянии неопределенности? - часто думал я.

- Для чего мне это нужно? Что изменяет разрешение данных вопросов в моей жизни, куда ведет?» И на эти слова моя совесть вторила мне, что надо продолжать думать над возникающими вопросами, даже если это очень неприятно, больно, потому что они скрывают за собой какие-то очень важные истины, которые нужно обязательно познать, чтобы выбраться из всего того сумасшествия, в которое я впал. Ведь недаром же великие говорили, что надо «учиться, учиться и еще раз учиться!». И я продолжал думать над ними, потому что они были той единственной нитью, за которую я держался, которая вела к разрешению моих проблем, которые я хотел решить, так как инстинктивно чувствовал, что такая жизнь вовсе и не жизнь, а какое-то недоразумение, пытка, что эту пытку может разрушить только глубокое осознание и просветление.

И когда я узнал о левом движении, то практически моментально стал считать себя его частью. Отчасти это было следствием того, что весь буржуазный национал-патриотизм, который у меня тогда был развит в определенной степени, базировался и базируется, как и у всех квасных патриотов, преимущественно на советском наследии, достижениях. Изначально во мне теплилась своего рода ностальгия по советскому прошлому, которое имело свою форму, а именно коммунистические символы, тоже повлиявшие на мой выбор между консерватизмом и революционностью (красный цвет, который коммунисты выбрали в качестве основного цвета своих символов, притягивает взгляд любого человека). С другой стороны, «на безрыбье и мелкая рыбешка хороша». Все эти дебаты, разборки фильмов и антисоветчины, подобие научности, профсоюзная и другая практическая, как потом оказалось мнимая, революционная борьба («левая движуха»), заворожили меня и оттолкнули от национализма и идеализма в сторону коммунизма и диалектического материализма, став, однако, лишь **предпосылкой** к принятию последних, так как о диалектике и теории научного коммунизма левые лидеры общественного мнения что-то говорили, призывая между делом учить теорию, и опять-таки же учить не по произведениям МЭЛС, а по суррогату и «пережеванному» весь-

ма сомнительными личностями материалу и непременно в кружке, но вот вопрос о **самообразовании** вообще никогда у них не ставился ребром на повестке дня, для них он был всегда вопросом далеко не первоочередной важности. И я верил (заметьте, именно верил; по большей части бесосновательно!) им. Верил в то, что это последователи большевиков до момента... знакомства с газетой «Прорывист»!

III. ЗНАКОМСТВО С ГАЗЕТОЙ «ПРОРЫВИСТ» И ЖУРНАЛОМ «ПРОРЫВ»!

Впервые я познакомился с газетой, когда мне было где-то 15 лет. Не помню почему, но в определенный период я начал почитать статьи прокоммунистического характера на Дзене, чередуя их с развлекательными публикациями. В какой-то момент мне попала одна из статей «Прорывиста» в подборке. Опять-таки же не помню, что это была за статья, но она меня заинтересовала и я подписался на канал. И в течение где-то полугода, может больше, я «почитывал» материал на дзен-канале «Прорывист». «Почитывал» не в том смысле, что именно внимательно читал (специально взял это слово в кавычки), осознавая процесс и стремясь получить знания, а в том смысле, что самоутверждался посредством неосознанного чтения, успокаивал таким образом совесть, внушая себе, что я делаю «что-то» полезное.

В какой-то момент я наткнулся на вырезку о совести из большой статьи Подгузова, которая меня на всем моем пути сопровождала. Диалектическая интерпретация совести поразила меня. Оказывается, совесть играет в жизни человека значительнейшую роль, особенно в жизни марксиста и коммуниста. И у меня возник вопрос сразу же после прочтения: «А что **конкретно** надо сделать, изучить, чтобы совесть действительно работала, действовала марксистски, научно, решала противоречия, а не просто оказывала чувственное воздействие на организм?» Я решил серьезно разобраться с

этим вопросом.

Вскоре я нашел статью о самообразовании, где четко было написано, что надо обогатить свое сознание научными знаниями, прежде всего знаниями марксизма. А сделать это можно только в упорной борьбе со своим невежеством, только в процессе добросовестного изучения сложной, но важной и нужной литературы классиков марксизма, которое поможет создать научную картину мира.

И я решил последовать совету прорывистов. На этом этапе я еще только **поверил прорывистам-литераторам**, с некоторыми творческими материалами которых я уже был знаком, последовательная логичность которых позволила мне считать их (авторов статей) более авторитетными для меня людьми в вопросе поиска истины, чем вся остальная левая братия, что сыграло роль в моем решении следовать советам научных централистов. С сего момента, я считаю, начинается мой действительный путь становления марксиста!

IV. МОЙ ПУТЬ МАРКСИСТСКОГО САМООБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ СТОРОННИКОМ ПРОРЫВИСТОВ

Сначала я читал материалы газеты «Прорывист» и журнала «Прорыв». Как подкопил знания, сразу же засел за чтение «Капитала» Карла Маркса, который продолжаю читать до сих пор. Несмотря на решительность, с которой я начал самообразование, оно часто прерывалось (что, собственно, и объясняет такое долгое, продолжительное чтение «библии рабочего класса»). Бывали моменты, когда вообще хотел сойти с этого пути и начать снова жить, как раньше, скатиться в нетрудную для существования обывательщину. Но совесть, а также **надежда**, что мои многочисленные мировоззренческие проблемы решатся, толкали меня на дальнейшую внутреннюю борьбу не только с невежеством и мракобесием, но и на борьбу с моим образом жизни, с негативными сторона-

ми существования в буржуазном больном и мерзком обществе, которые поработили меня в подростковом периоде.

Так шли месяцы. Прошли год, полтора. Я закончил ненавистную мне школу. Начался период моей юности.

За это время моего самообразования я получил некоторые знания теории марксизма, что повысило мою сознательность и осознанность в отношении многих явлений современной жизни общества. За это время я смог развить и укрепить культуру чтения, которой до начала самообразования как таковой не было. Данное достижение очень помогает мне в жизни, так как благодаря ему я могу читать еще больше великолепной научной и художественной литературы, которая необходима для дальнейшего формирования себя как марксиста. Я прошел половину пути к обретению свободы, так как только через чтение, которое я освоил, можно полностью познать Гегеля и классиков марксизма (при условии, конечно, что ты будешь читать осознанно и добросовестно, логически обосновывая то или иное понятие, согласуя его со всей мировоззренческой системой), их диалектико-материалистический метод, а через него и ту самую необходимость, знание которой и составляет основу свободы человека.

Также получилось изменить свой образ жизни. Многие отрицательные качества и привычки я смог побороть, но с некоторыми придется еще «повозиться» и низвергнуть их с пишущейся страницы моей современной жизни. Получилось осознать и принять для руководства в бытовой деятельности коммунистическую мораль.

Еще появился смысл жизни как таковой. Вранье про отсутствие у материалистов смысла жизни являлось камнем преткновения со всем революционным еще с детства. «Как же так! Как можно отрицать вечную жизнь и веру в бога!» - говорил я себе, когда был ребенком. Сейчас я вижу, что именно коммунисты наличествуют подлинным истинным и неиллюзорным смыслом жизни, который заключается в борьбе за коммунистическое общество, в борьбе за идеалы, которые были выведены из законов развития общества, в такой жизни, которая находится в гармонии и непротиворечии с естественным развитием бытия, с его непререкаемыми законами. Всякий смысл в вечной

жизни теряется, если человек не может прожить свою «земную» жизнь счастливо. Зачем же тогда, спрашивается, мне вечность, если и этот короткий, к сожалению, век жизни прожит был тяжело и несчастливо, а я так ничего и не понял, раз был несчастлив? А если я и обрел счастье, то неужели у меня не хватит ума понять и принять тот факт, что растворение в небытии моего сознания - это естественный и необратимый процесс, связанный с биологической смертью, бороться против которого глупо, раз течение времени вечно?

Конечно же, мной были решены многие вопросы моей жизни, которые волновали меня в детстве и отрочестве, в частности главный вопрос: чем руководствоваться в жизни, какими методами? Выше я уже сказал про диалектико-материалистический метод. Именно методология марксизма стала руководством к действию в моей жизни, обогатив ее свободой и счастьем небесмысленного существования и вектором дальнейшего развития.

Я бы мог рассказать еще много чего, что изменилось за время моего самообразования, но моменты моей жизни этого периода в моем сознании уже успели немного потускнеть и притупиться. Зато с момента начала моей учебы произошли интересные и в то же время удручающие, но все же красочные события.

V. НАЧАЛО МОЕЙ УЧЕБЫ В УНИВЕРСИТЕТЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Из названия ясно, что сейчас я учусь на историческом факультете. Стать ученым-историком я хотел еще со средней школы, так как я ей тогда просто бредил. Хотя мой интерес и был сильным, однако форма реализации моих устремлений и чаяний была очень скупой и бедной. Я говорю, конечно же, о компьютерных играх-стратегиях типа «Hearts of Iron IV» или «Europa Universalis». Играя днями напролет, я тогда даже не задумывался, что мои исторические знания обывателя и научные знания науки история являются антиподами друг друга

хотя бы потому, что первые были простым несистематизированным набором фактов, а вторые являются четкой их систематизацией и определенной интерпретацией этих самых фактов.

И только тогда, когда я познакомился с левым движением, вопросы, связанные с интерпретацией исторических фактов и составлением научной непротиворечивой картины мира, меня хоть как-то начали волновать. Но до глубокого осознания проблемы понимания истории мне было еще далеко.

Однако после знакомства с «Прорывом» и «Прорывистом», знакомства с некоторыми статьями на историческую тему я осознал проблему научного понимания истории. Теперь мне ясно, что марксистское понимание этой науки является глубоко научным, поскольку оно использует научную методологию, которая помогает беспристрастно взглянуть на исторический процесс, объять огромное количество фактов, связав их в единую непротиворечивую систему знаний, а также на основе этого многочисленного фактического материала выявить общий ход мировой и отечественной истории. Я понял, что историческая наука, как и другая любая, всегда **партийна**.

И с таким вот убеждением я пошел учиться в вуз на историка.

Я осознавал и осознаю, что современная образовательная система является буржуазной, обслуживающей интересы как той или иной группировки буржуазии, так и всего эксплуататорского класса в целом. Но одно дело - знать об этом опосредованно, а другое дело - «знать об этом не понаслышке», столкнувшись с этим напрямую.

Сказать, что меня поразила высшая образовательная система, - значит ничего не сказать. Многие преподаватели раскрывают материал своего предмета через призму цивилизационного подхода. На новом предмете «Основы российской государственности», который был введен в этом году, студентам предстоит столкнуться с мнениями и высказываниями таких реакционных личностей, как Ильин, Бердяев, Лосский, Гумилев, Данилевский и др., а также с абсолютизацией культурных особенностей и психологической специфики различных народов, с помощью которой первокурсникам попытаются объяснить развитие как русского народа в

частности, так и всех народов вместе (оказывается, помимо европейской цивилизации существует еще и «русская цивилизация», запомните это!). Также будут предметы коммерческого характера, где будущим деятелям науки объяснят характер работы над «проектом», организационные вопросы и способы получить инвестиции от потенциальных «заказчиков». Еще будет простое перечисление различных теорий, причем необходимо будет запомнить ну вообще откровенную чушь типа уфологической или акватической теории антропогенеза. Зачем? Ну а почему бы и нет! Блеснете «эрудицией»...

Ну и, конечно же, полные штаны плюрализма и глупой, неуместной терпимости. В процессе выступления совершенно нормально подкреплять свои слова цитатами из Библии и Корана, причем не в качестве шуток, а вполне серьезно. Так и хочется спросить: «А кого ты обидишь, если выскажешься определенно материалистически, без всяких реверансов в сторону мистики и религии?» Полагаю,

что помимо конъюнктуры преподавателей в связи с религиозной позицией государства профессора сами являются верующими людьми, отчего на парах приходится слышать догматические религиозные перлы.

Такие же недоумения у меня возникают в процессе чтения рекомендуемых научных материалов, хотя понимаешь, что по-другому быть не может и надо смириться с буржуазной составляющей «научных» трудов. Например, открываю многотомник «Всемирной истории» в шести томах, а там на первой же странице вот такое вот радостное откровение сочинителей:

«С отказом российских историков от формационной парадигмы как универсального и единственного критерия для раскрытия и понимания исто-

рии человечества перед российской историографией открылась возможность плюралистического взгляда на ход мировой истории. Публикация в России сочинений виднейших представителей мирового философского и исторического знания - Макса Вебера и Арнольда Тойнби, Фернана Броделя и Карла Ясперса - позволила историкам познакомиться с альтернативными объяснениями мировой истории».

Помню, на первых занятиях по культуре за-

шел разговор об определении понятия культуры. Преподаватель высказал определение культуры, а именно, что культура - это совокупность духовных и материальных ценностей, созданных трудом человека. Потом он начал расспрашивать студентов о том, какие конкретно ценности являются духовной культурой, а какие материальной. Многие высказались о том, что в каждой культурной вещи духовную и материальную ценности можно выделить... в

процентном соотношении! Например: «Я верующая, хожу в храм и смотрю на него как на материальную ценность на 30% и как на духовную ценность на 70%, а если туда пойдет атеист, то на 70% будет смотреть как на материальную культурную ценность, а на 30% будет видеть в нём духовную ценность». Вот что происходит, если не изучать философию и логику.

Вопрос о том, какие ценности являются духовными, а какие материальными, является некорректным, так как деление культурных ценностей на материальные и духовные условно! Сокурсники пытаются сравнить один и тот же сладкий, растворенный в чае сахар... в процентном соотношении. К сожалению, однокурсники не поняли, что, в сущности, отдельно не существуют ни материальные, ни духовные цен-

ности, которые были созданы физическим и, соответственно, умственным трудом. Сама культура - это совокупность не отдельных вышеупомянутых ценностей, а **духовно-материальных**, т.е. то идейное, духовное, что человек вкладывает в какую-нибудь фреску религиозного сооружения, не может существовать отдельно от материи, материального объекта, созданного физическим трудом. И в то же время материальный объект не сможет стать культурным объектом, пока его не преобразует человеческий физический труд, который придаст объекту такие черты и формы, которые имеют определенный смысл для его создателя и которые первоначально были обдуманы и созданы в мозгу человека посредством умственного труда. В этом заключается единство умственного и физического труда. Совместно друг с другом они составляют единую человеческую деятельность.

Также меня немного коснулся и формализм, который распространен повсеместно в научном сообществе. На одном из предметов нам уже предложили писать статьи для некоторых научных заочных конференций. Правильно ли это? Что может написать студент первого курса, который, во-первых, скорее всего, никогда не писал никаких текстов в статейной форме, а во-вторых, не имеет хоть каких-либо твердых базовых знаний по этому предмету? Получается, мы должны писать для серьезных мероприятий статьи с сомнительным относительно научности характером, чтобы преподаватель мог отметить нас «плюсиком», увидев, что мы «работаем»? Даже пускай он будет проверять данный материал, своевременно ли это?

И хотя таких вопросов и возмущений становится с каждым днем все больше, я все-таки не унываю. Я знаю, что такое положение в исторической науке не навсегда. Следование принципу исторического материализма - это единственный выход исторической науки из того ту-

пика, в который она была заведена многочисленными буржуазными плюралистическими искусственными методами и способами. В конечном счёте, победа коммунизма неизбежна, а значит, и научная интерпретация истории станет марксистской, перенеяв положительный опыт и традиции сталинской историографии.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ну а теперь, занимаясь написанием данной статьи, я могу и хочу окончательно заключить, что считаю себя если и не марксистом, в связи с незнанием еще части марксистских законов и методологии, то уж точно сторонником «Прорыва» и прорывистом! Надеюсь, что так считаю не только я, но и другие члены-литераторы прорывистского печатного органа, в котором я и публикую данную статью-признание, а также все остальные сторонники журнала «Прорыв» и газеты «Прорывист».

Я очень рад, что в наше беспокойное время, порожденное капиталистической системой, которое бросает новые вызовы перед всеми прогрессивными силами мира, я имею честь причислять себя к одной из этих сил. А прорывисты являются именно такой силой на всем постсоветском пространстве, которая борется за разрешение как данных проблем, порожденных капитализмом, так и с самим капитализмом. Мало кто замечает эту ожесточенную борьбу, так как представлена она в данное время преимущественно в теоретической форме классово-вой борьбы. Но это первый шаг, который дает и уже дал свои плоды в виде новых молодых сторонников-литераторов, будущих кадров партии научного централизма. За этим шагом пойдет второй шаг, третий и так далее по нарастающей частоты и размаха. В конечном счете данные шаги сольются в единый триумфальный марш сначала российского коммунистического движения, а потом и мирового.

Октябрь 2023

НАМ ПИШУТ

Н. СВИРИДОВ

Уважаемая редакция, руководствуясь рекомендациями, опубликованными в интернет-газете «Прорывист» по вопросам самообразования, могу сообщить, что за октябрь месяц мною проделана следующая работа:

В октябре из художественной литературы я дочитал «Дон Кихота», девять пьес Шекспира и роман «Монахиня» Дидро.

Но основные усилия были направлены на изучение истории формирования марксизма. Читал работы Маркса по трем разным изданиям: первому и второму изданию собрания сочинений на русском, а также английское издание. Полностью прочел первый том, а также малоизвестные юношеские работы в первом издании первого тома и сейчас читаю английское издание, которое содержит огромный пласт уникальных материалов, которые полностью отсутствуют в русском переводе. Так, в частности, английское издание содержит переписку Маркса с отцом, в то время как на русском есть только одно письмо Маркса от 1837 года; огромное количество юношеской поэзии и ранних литературных опытов Маркса; гимназические сочинения, на русском они выходили в серии «Архив Маркса и Энгельса», а также в первом томе первого собрания сочинений, как и малая часть стихов.

В первом томе второго русского издания очень много важнейших работ, которые каждому марксисту необходимо знать: статьи Маркса в Рейнской газете, «Философский манифест исторической школы права», «К критике гегелевской философии права», «К еврейскому вопросу»; и такие статьи Энгельса как «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», «Положение Англии» (все три статьи), «Наброски к критике политической экономии». В первых томах ПСС (по меньшей мере это первые три тома + дополнительный том «Из ранних произведений») Маркса и Энгельса мы можем проследить собственно генезис марксизма как новой революционной философии, которая одновременно отрицает и старый идеализм, и старый материализм. Незнание собственно

этой стороны марксизма, его философского становления, во многом и привели к оппортунизму Бернштейна и Каутского, и привели к грубым ошибкам Меринга и Плеханова, хотя последние два были первыми кто стали поднимать ранние работы. Но и здесь не всё так гладко. В частности, Меринг повинен в том, что первое издание собрания сочинений Маркса в 4 томах было страшно порезано и сокращено. Многие материалы он нещадно порезал, что-то вообще не включил. Сам Меринг всю свою жизнь, по сути дела, игнорировал философию марксизма, ее не понимал, и марксизм ограничивал коряво понятием историческим материализмом. Плеханов в этом отношении стоит выше Меринга, хотя и его понимание философского становления Маркса было не полным.

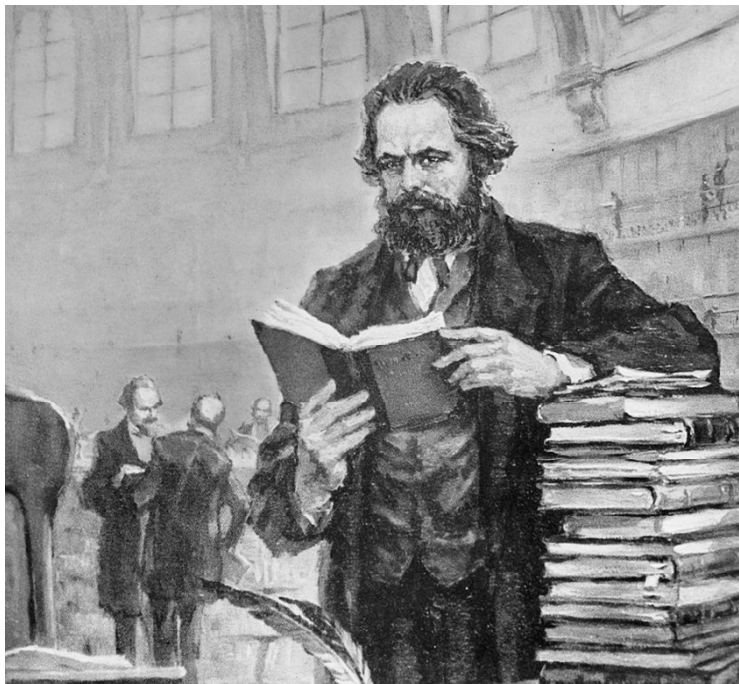
Сейчас изучаю второй том второго русского издания. Уже перечитал «Святое семейство» и так как месяц назад я изучал левое гегельянство, я смог полностью разобраться во всех отсылках, в том числе к роману Эжена Сю, который я начинал читать тоже около месяца назад. Разбор романа Сю и глава о французском материализме я считаю одними из важнейших мест этой работы. Разбор романа Сю дает хороший пример марксистской литературной критики, а глава о французском материализме очень важна для понимания отношения классиков к своим предшественникам. В данный же момент читаю «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, и как только я открыл эту работу так сразу вспомнил «Людей бездны» Лондона, это считай тоже «Положение рабочего класса в Англии» только уже взгляд сто лет спустя, всем советую ознакомиться с обеими работами.

Помимо собственно чтения работ Маркса и Энгельса изучил довольно много различной исследовательской литературы о периоде 1835-1844 гг. в истории марксизма. Помимо этого я начал читать работы немецких просветителей: Винкельмана и Гердера; а также Зольгера и Берне. Вернулся к французским просветителям, читаю работы Вольтера и Дидро.

Я продолжаю изучение трудов Гегеля, но, на данный момент, я все еще нахожусь на йенском периоде, пока что дочитываю объемную монографию Георга Лукача о молодом Гегеле, думаю, в ноябре закончу. Также планирую в следующем месяце перейти к «Феноменологии духа», но перед этим планирую ознакомиться с другими более ранними работами этого периода.

Из научной литературы по химии прочел книжку Морозова о Менделееве, статью самого Менделеева о химическом понимании эфира, а также начал читать цикл его статей о периодическом законе. По биологии - книгу Лункевича о клетках и прочел небольшую брошюрку Лепешинской о долголетию. Из последней, соб-

ственно, могу выделить несколько ключевых моментов: 1) Здоровое питание 2) Соблюдение режима работы и отдыха; нервную систему необходимо беречь. Надо избегать переработок и стараться хорошо спать. 3) Заниматься спортом. Все это вроде как общеизвестно, и может звучать даже банально, но вот соблюдать все это на деле ой как не просто, особенно живя в современном капиталистическом об-

ществе. Тов. Модест в отчете за прошлый месяц касался этого вопроса, тоже, считает эту тему очень важной и насущной.

И немного статистики к теме о долголетию. В то время как в СССР в 20-е годы были десятки тысяч человек, которые прожили больше ста лет, а некоторые даже до 140-150 (официальные советские данные) и дольше, в стра-

нах капитализма за тот же период случаев долголетия свыше ста лет было от 1 до 130 максимум, цифры варьируются от страны к стране. Собственно наглядная иллюстрация к тому, какую роль играют общественные отношения/социальная среда в достижении долголетия.

Что касается «писательской работы», то в этом месяце я ничего собственного не написал, так как нахожусь в процессе изучения материала для моей предполагаемой статьи о становлении марксизма. По срокам в целом мне трудно говорить, так что зарекаюсь не буду. По переводам в этом месяце простой, это конечно моя вина, надо было этим тоже заниматься в течение месяца, надеюсь, что в ноябре хотя бы один перевод подготовлю.

Октябрь 2023

Редакция журнала « Прорыв » :

Подгузов В.А.,
(главный редактор),

Петрова О.Б.,

Редин А.,
(заместители
главного редактора)

Лбов А.В.,

Федотов Н.,

Иванов А.,

Огиенко Р.,

Неверов К.,

Назаренко Д.

**Кандидаты
в состав
редакции:**

Грано И.,

Боровых А.,

Вахитов Х.,

Киевский К.,

Сафронов Г.,

Иванов И.

Наши контакты:

Почтовый адрес :

109378, г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79, Петровой О.Б.

Электронные адреса:

petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефоны:

(495) 378-37-59 Петрова О. Б.

Посетите наш
сайт в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, а также большую подборку коммунистической музыки, коллекцию ссылок на марксистские издания и библиотеки, листовки по актуальным вопросам, исторические документы и исследования.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра журнала с учетом почтовых расходов **60** рублей.

Редакция работает на общественных началах.

*Рукописи редакцией не рецензируются,
не редактируются, не корректируются
и не возвращаются.*

Цена свободная. Тираж 800.

Объем 54 стр. формата А4.

Подписано в печать 02.11.23.

Дата выхода в свет 07.11.23.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г. Учредитель Петрова О.Б.

Адрес редакции: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.

Адрес издателя и типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.